

Rainer Maria RILKE

NEUE GEDICHTE

Райнер Мария РИЛЬКЕ

НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

im WERDEN-VERLAG
AUGSBURG 2003

© Rainer Maria Rilke «Neue Gedichte», 1907

© Константин Петрович Богатырёв (1925-1976) — перевод. Наследники.
Печатается по изданию: «Райнер Мария Рильке. Новые стихотворения. Новых стихотворений вторая часть». Москва, Литературные памятники, 1977

© М. Рудницкий «Пример бескорыстного служения» Заметки о Константине Богатырёве,
«Иностранная литература» 2001, № 6

© Составление бесплатного электронного издания «Im-Werden-Verlag», 2002,
дополнено статьёй М. Рудницкого, 2003, второе издание, 2007

<http://imwerden.de>

СОДЕРЖАНИЕ

НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ [1907]

Ранний Аполлон Früher Apollo	7
Жалоба девушки Mädchen-Klage	7
Песнь любви Liebes-Lied	8
Эранна — Сафо Eranna an Sappho.....	8
Сафо — Эранне Sappho an Eranna.....	8
Сафо — Алкею Sappho an Alkaios.....	8
Гробница девушки Grabmal eines jungen Mädchens	9
Жертва Opfer.....	9
Восточная дневная песнь Östliches Taglied	10
Ависага Abisag I.....	10
II.....	10
Давид поет Саулу David singt vor Saul I.....	11
II.....	11
III.....	12
Собор Иисуса Навина Josuas Landtag	12
Уход блудного сына Der Auszug des verlorenen Sohnes	13
Гефсиманский сад Der Ölbaum-Garten.....	13
Пиета Pietà.....	14

Пение женщин, обращенное к поэту	
Gesang der Frauen an den Dichter	15
Смерть поэта	
Der Tod des Dichters	15
Будда	
Buddha	15
L'Ange du meridien.....	16
Собор	
Die Kathedrale	16
Портал	
Das Portal	
I.....	17
II.....	17
III.....	18
Окно-роза	
Die Fensterrose.....	18
Капиталь	
Das Kapital	18
Бог в Средние века	
Gott im Mittelalter	19
Морг	
Morgue	19
Узник	
Der Gefangene	
I.....	20
II.....	20
Пантера	
Der Panther.....	20
Газель	
Die Gazelle.....	21
Единорог	
Das Einhorn.....	21
Святой Себастьян	
Sankt Sebastian	21
Даритель	
Der Stifter.....	22
Ангел	
Der Engel	22
Римские саркофаги	
Römische Sarkophage.....	23
Лебедь	
Der Schwan.....	23
Детство	
Kindheit.....	23
Поэт	
Der Dichter	23
Кружево	
Die Spitze	
I.....	24
II.....	24

Судьба женщины	
Ein Frauen-Schicksal	25
Выздоровливающая	
Die Genesende	25
Взрослая	
Die Erwachsene	25
Танагра	
Tanagra.....	26
Слепнущая	
Die Erblindende	26
В чужом парке	
In einem fremden Park	27
Прощание	
Abschied.....	27
Познание смерти	
Todes-Erfahrung	28
Голубая гортензия	
Blaue Hortensie.....	28
Перед дождем	
Vor dem Sommerregen.....	29
В зале	
Im Saal.....	29
Последний вечер	
Letzter Abend.....	29
Юношеский портрет отца	
Jugend-Bildnis meines Vaters	30
Автопортрет 1906 года	
Selbstbildnis aus dem Jahre 1906	30
Король	
Der König.....	30
Воскресение	
Auferstehung.....	31
Знаменосец	
Der Fahnenträger.....	31
О том, как последний из графов фон Бредероде избежал турецкого плена	
Der letzte Graf von Brederode entzieht sich türkischer Gefangenschaft	32
Куртизанка	
Die Kurtisane.....	32
Лестница оранжереи	
Die Treppe der Orangerie.....	32
Перевоз мрамора	
Der Marmor-Karren	33
Будда	
Buddha	33
Римские фонтаны	
Römische Fontäne	34
Карусель	
Das Karussell.....	34
Испанская танцовщица	
Spanische Tänzerin.....	35

Башня	
Der Turm.....	35
Площадь	
Der Platz.....	36
Quai du Rosaire.....	36
Beguinage	
I.....	37
II.....	37
Праздник Марии	
Die Marien-Prozession.....	38
Остров	
Die Insel	
I.....	39
II.....	39
III.....	39
Могилы гетер	
Hetären-Gräber	40
Орфей. Эвридика. Гермес	
Orpheus. Eurydike. Hermes	41
Алкестида	
Alkestis.....	43
Рождение Венеры	
Geburt der Venus.....	45
Чаша роз	
Die Rosenschale	46

ПРИЛОЖЕНИЕ

М. Рудницкий «Пример бескорыстного служения»	49
--	----

Karl und Elisabeth von der Heydt
in Freundschaft

Карлу и Элизабет фон дер Хейдт
дружески

Früher Apollo

Wie manches Mal durch das noch unbelaubte
Gezweig ein Morgen durchsieht, der schon ganz
im Frühling ist: so ist in seinem Haupte
nichts was verhindern könnte, daß der Glanz

aller Gedichte uns fast tödlich träfe;
denn noch kein Schatten ist in seinem Schaun,
zu kühl für Lorbeer sind noch seine Schläfe
und später erst wird aus den Augenbraun

hochstämmig sich der Rosengarten heben,
aus welchem Blätter, einzeln, ausgelöst
hintreiben werden auf des Mundes Beben,

der jetzt noch still ist, niegebraucht und blinkend
und nur mit seinem Lächeln etwas trinkend
als würde ihm sein Singen eingeflüßt.

Mädchen-Klage

Diese Neigung, in den Jahren,
da wir alle Kinder waren,
viel allein zu sein, war mild;
ändern ging die Zeit im Streite,
und man hatte seine Seite,
seine Nähe, seine Weite,
einen Weg, ein Tier, ein Bild.

Und ich dachte noch, das Leben
hörte niemals auf zu geben,
daß man sich in sich besinnt.
Bin ich in mir nicht im Größten?
Will mich Meines nicht mehr trösten
und verstehen wie als Kind?

Plötzlich bin ich wie verstoßen,
und zu einem Übergroßen
wird mir diese Einsamkeit,
wenn, auf meiner Brüste Hügeln
stehend, mein Gefühl nach Flügeln
oder einem Ende schreit.

Ранний Аполлон

Как иногда в сплетенье неодетой
листвою чащи проникает плеск
весны в разливе утра, — так и это
лицо свободно пропускает блеск

стихов, сражающих нас беспощадно;
ведь все еще не знает тени взгляд,
и для венца еще виски прохладны,
и из его бровей восстанет сад

высокоствольных роз лишь много позже,
и пустит в одиночку лепестки,
чтоб рта его коснулись первой дрожи,

пока еще недвижимого, но с гибкой,
по каплям отпивающей улыбкой
струящегося пения глотки.

Жалоба девушки

Эта склонность, эта тяга
к одиночеству за благо
почитались в детстве мной.
У других — возня, раздоры,
у меня — мои просторы,
даали, близи, шорох шторы,
звери, образы, покой.

Я от жизни без предела
только брать и брать хотела,
чтоб себя познать в себе.
Разве не во мне величье?
Но от прежних лет в отличие
жизнь чужда моей судьбе.

Вопреки всем ожиданиям
благо стало наказаньем
с ростом девичьей груди.
Стоя на ее вершинах,
чувство жаждет крыл орлиных
или в смерти изойти.

Liebes-Lied

Wie soll ich meine Seele halten, daß
sie nicht an deine rührt? Wie soll ich sie
hinheben über dich zu andern Dingen?
Ach gerne möcht ich sie bei irgendwas
Verlorenem im Dunkel unterbringen
an einer fremden stillen Stelle, die
nicht weiterschwingt, wenn deine Tiefen schwingen.
Doch alles, was uns anrührt, dich und mich,
nimmt uns zusammen wie ein Bogenstrich,
der aus zwei Saiten eine Stimme zieht.
Auf welches Instrument sind wir gespannt?
Und welcher Geiger hat uns in der Hand?
O süßes Lied.

Eranna an Sappho

O du wilde weite Werferin:
Wie ein Speer bei andern Dingen
lag ich bei den Meinen. Dein Erklingen
warf mich weit. Ich weiß nicht wo ich bin.
Mich kann keiner wiederbringen.

Meine Schwestern denken mich und weben,
und das Haus ist voll vertrauter Schritte.
Ich allein bin fern und fortgegeben,
und ich zittere wie eine Bitte;
denn die schöne Göttin in der Mitte
ihrer Mythen glüht und lebt mein Leben.

Sappho an Eranna

Unruh will ich über dich bringen,
schwingen will ich dich, umrankter Stab.
Wie das Sterben will ich dich durchdringen
und dich weitergeben wie das Grab
an das Alles: allen diesen Dingen.

Sappho an Alkäios Fragment

Und was hättest du mir denn zu sagen,
und was gehst du meine Seele an,
wenn sich deine Augen niederschlagen
vor dem nahen Nichtgesagten? Mann,
sieh, uns hat das Sagen dieser Dinge
hingerissen und bis in den Ruhm.
Wenn ich denke: unter euch verginge
dürftig unser süßes Mädchentum,

Песнь любви

О как держать мне надо душу, чтоб
она твоей не задевала? Как
ее мне вырвать из твоей орбиты?
Как повести ее по той из троп,
в углах глухих петляющих, где скрыты
другие вещи, где не дрогнет мрак,
твоих глубин волною не омытый?
Но все, что к нам притронется слегка,
нас единит, — вот так удар смычка
сплетает голоса двух струн в один.
Какому инструменту мы даны?
Какой скрипач в нас видит две струны?
О песнь глубин!

Эранна — Сафо

Ты — сильней метательниц копья!
Я — копье на поле брани
среди других вещей. Твое звучанье
отшвырнуло вдаль меня. Где я?
Кто ответить в состоянии?

Сестры мыслят мною и поныне
в том же доме, где меня не стало.
Я — отринута. Я — на чужбине.
Я, как просьба, вся затрепетала:
ведь горит от моего накала
среди мифов дивная богиня.

Сафо — Эранне

Так узнай же беспокойство молний!
Я тебя, обвитый жезл, возьму
и, как смерть, тебя собой наполню,
как могила, передам всему —
всем вещам. И так свой долг исполню.

Сафо — Алкею Фрагмент

Ты зачем сюда ко мне явился?
Нет надежды на сближенье душ,
если взгляд твой долу опустился
пред невысказанно-близким. Муж,
посмотри: мы эти вещи вскрыли
словом, славою себя покрыв.
Среди вас иссякла бы в бескрыльи
наша девственность, перебродив.

welches wir, ich Wissende und jene
mit mir Wissenden, vom Gott bewacht,
trugen unberührt, daß Mytilene
wie ein Apfelgarten in der Nacht
duftete vom Wachsen unsrer Brüste — .

Ja, auch dieser Brüste, die du nicht
wähltest wie zu Fruchtgewinden, Freier
mit dem weggesenkten Angesicht.
Geh und laß mich, daß zu meiner Leier
komme, was du abhältst: alles steht.

Dieser Gott ist nicht der Beistand Zweier,
aber wenn er durch den Einen geht.

Grabmal eines jungen Mädchens

Wir gedenkens noch. Das ist, als müßte
alles dieses einmal wieder sein.
Wie ein Baum an der Limonenküste
trugst du deine kleinen leichten Brüste
in das Rauschen seines Bluts hinein:

— jenes Gottes.

Und es war der schlanke
Flüchtling, der Verwöhnende der Frau.
Süß und glühend, warm wie dein Gedanke,
überschattend deine frühe Flanke
und geneigt wie deine Augenbraun.

Opfer

O wie blüht mein Leib aus jeder Ader
duftender, seitdem ich dich erkenn;
sieh, ich gehe schlanker und gerader,
und du wartest nur — : wer bist du denn?

Sieh: ich fühle, wie ich mich entferne,
wie ich Altes, Blatt um Blatt, verlier.
Nur dein Lächeln steht wie lauter Sterne
über dir und bald auch über mir.

Alles was durch meine Kinderjahre
namenlos noch und wie Wasser glänzt,
will ich nach dir nennen am Altare,
der entzündet ist von deinem Haare
und mit deinen Brüsten leicht bekränzt.

Мы себя уберегли от тлена,
пронеся нетронутыми над
толпами бескрылых. Митилена
вся, как яблонный вечерний сад,
запах зреющих грудей вдыхала,

в том числе и этих двух, моих,
двух, упущенных тобой, который
взгляд свой долу опустил. Жених,
уйди — мою лирой скоро
овладеет кто-то: все стоит.

Этот бог обоим не опора,
но когда он одного пронзит.

Гробница девушки

Не забыли. Словно все сначала
это вскоре повторится вновь.
Деревцем лимонным у канала
маленькие груди окунала
ты в разбушевавшуюся кровь

бога этого.

Он вне нападок,
он — беглец, но тронул вас крылом.
Он, как мысль твоя, — и жгуч, и сладок,
он — как тень, коснувшаяся радуг
юных бедер, как бровей излом.

Жертва

O как расцветают каждой жилкой
плоти ароматные пласты!
Посмотри: я — стройный, гибкий, пылкий
по твоей вине. Но кто же ты?

Ухожу беззвучно и бесслезно.
Прошлое осыпалось листвою.
Ты с улыбкой нависаешь звездной
над собой, а, значит, надо мной.

Детских лет и впечатлений груде
имя дам твое у алтаря.
Ты его воздвигла на безлюдье,
на венки пожертвовала груди,
волосами яркими горя.

Östliches Taglied

Ist dieses Bette nicht wie eine Küste,
ein Küstenstreifen nur, darauf wir liegen?
Nichts ist gewiß als deine hohen Brüste,
die mein Gefühl in Schwindeln überstiegen.

Denn diese Nacht, in der so vieles schrie,
in der sich Tiere rufen und zerreißen,
ist sie uns nicht entsetzlich fremd? Und wie:
was draußen langsam anhebt, Tag geheißten,
ist das uns denn verständlicher als sie?

Man müßte so sich ineinanderlegen
wie Blütenblätter um die Staubgefäße:
so sehr ist überall das Ungemäße
und häuft sich an und stürzt sich uns entgegen.

Doch während wir uns aneinander drücken,
um nicht zu sehen, wie es ringsum naht,
kann es aus dir, kann es aus mir sich zücken:
denn unsre Seelen leben von Verrat.

Abisag

I

Sie lag. Und ihre Kinderarme waren
von Dienern um den Welkenden gebunden,
auf dem sie lag die süßen langen Stunden,
ein wenig bang vor seinen vielen Jahren.

Und manchmal wandte sie in seinem Barte
ihr Angesicht, wenn eine Eule schrie;
und alles, was die Nacht war, kam und scharte
mit Bangen und Verlangen sich um sie.

Die Sterne zitterten wie ihresgleichen,
ein Duft ging suchend durch das Schlafgemach,
der Vorhang rührte sich und gab ein Zeichen,
und leise ging ihr Blick dem Zeichen nach —.

Aber sie hielt sich an dem dunkeln Alten
und, von der Nacht der Nächte nicht erreicht,
lag sie auf seinem fürstlichen Erkalten
jungfräulich und wie eine Seele leicht.

II

Der König saß und sann den leeren Tag
getaner Taten, ungefühlt der Luste
und seiner Liebeshündin, der er pfleg —.
Aber am Abend wölbte Abisag
sich über ihm. Sein wirres Leben lag

Восточная дневная песнь

Край ложа, на котором ты уснула,
как узкая полоска побережья.
Волна твоих грудей перевернула
все чувства, вырвав их из безмятежья.

И эта ночь надрыва и тревог,
в которой звери воем слух терзали,
предельно нам чужда. Но кто бы мог
поверить, что понятней нам едва ли
заря, которой занялся восток?

Нам так с тобою лечь друг в друга надо,
как вкрут тычинок лепестки ложатся.
Повсюду горы хаоса толпятся,
на нас готовясь рухнуть всей громадой.

Пока мы прижимаемся телами
друг к другу, чтобы не увидеть зла,
возможно, искра пробежит меж нами,
чтоб нас изменою спалить дотла.

Ависага

I

Она — дитя — на старце возлежала.
Ей слуги руки вкрут него обвили.
Тянулись сладкие часы в обилье
сквозь страх пред этой жизнью обветшалою.

От бороды его на крик совиный;
она порою отводила взор.
И ночь подкатывала всей лавиной
со страхом и желаньем к ней в упор.

Звезда дрожала, как сестра, поодаль.
Прокрадывался запах к ней в альков.
И дрогнул занавес. И знак ей подал.
И тихо взгляд откликнулся на зов.

Но ночь ночей не тронула рабыни.
Она не отпускала старика.
На царственной она лежала стыни
и девственна, и, как душа, легка.

II

Царь, сидя, вспоминал пустой дотла
день дел свершенных и страстей в подспудье,
собаку, что годами с ним жила.
А ночью Ависага вновь свела
свой свод над ним. И жизнь его легла,

verlassen wie verrufne Meeresküste
unter dem Sternbild ihrer stillen Brüste.

Und manchmal, als ein Kundiger der Frauen,
erkannte er durch seine Augenbrauen
den unbewegten, küsselosen Mund;
und sah ihres Gefühles grüne Rute
neigte sich nicht herab zu seinem Grund.
Ihn fröstelte. Er horchte wie ein Hund
und suchte sich in seinem letzten Blute.

David singt vor Saul

I

König, hörst du, wie mein Saitenspiel
Fernen wirft, durch die wir uns bewegen:
Sterne treiben uns verwirrt entgegen,
und wir fallen endlich wie ein Regen,
und es blüht, wo dieser Regen fiel.

Mädchen blühen, die du noch erkannt,
die jetzt Frauen sind und mich verführen;
den Geruch der Jungfrau kannst du spüren,
und die Knaben stehen, angespannt
schlank und atmend, an verschwiegnen Türen.

Daß mein Klang dir alles wiederbrächte.
Aber trunken taumelt mein Getön:
Deine Nächte, König, deine Nächte —,
und wie waren, die dein Schaffen schwächte,
o wie waren alle Leiber schön.

Dein Erinnern glaub ich zu begleiten,
weil ich ahne. Doch auf welchen Saiten
greif ich dir ihr dunkles Lustgestöhn? —

II

König, der du alles dieses hattest
und der du mit lauter Leben mich
überwältigst und überschattest:
komm aus deinem Throne und zerbrich
meine Harfe, die du so ermattest.

Sie ist wie ein abgenommner Baum:
durch die Zweige, die dir Frucht getragen,
schaut jetzt eine Tiefe wie von Tagen
welche kommen —, und ich kenn sie kaum.

Laß mich nicht mehr bei der Harfe schlafen;
sieh dir diese Knabenhand da an:
glaubst du, König, daß sie die Oktaven
eines Leibes noch nicht greifen kann?

как на пустынном взморье в дни безлюдья,
под этим сводом, чьи созвездья — груди.

На миг он, избалованный любовью,
увидел сквозь свои седые брови
недвижный и нецеловавший рот.
Он знал, что чувств зеленая лозина
к его корням пути не обретет.
В ознобе он, как пес, что смерти ждет,
своей крови искался пред кончиной.

Давид поет Саулу

I

Царь, ты слышишь, как моя игра
дали расшвыряла, край за краем?
Вихрем нас относит к звездным стаям,
наконец, мы ливнем ниспадаем.
Там, где мы, всему цвести пора.

Девы, что тобою зажжены,
в женщин расцвели, меня тревожа.
Ты их запах ощущаешь тоже.
Мальчики стоят, напряжены,
у дверей волнуясь, в них не вхожи.

Все вернуть я музыкаю прочу!
Но дрожит неверно взятый тон.
Эти ночи, царь, о эти ночи!
Помнишь, как в часы любви воочью
расцвела красота тех жен!

Память я твою о них, о юных,
подберу. Но на каких же струнах
я возьму их темный, страстный стон?

II

Царь, ты все это имел в избытке,
жизнью исполинскою своей
смял мои потуги и попытки —
так возьми же арфу и разбей:
ты ее уж обобрал до нитки,

словно с дерева сорвал плоды.
И теперь в ветвях видна сквозная
даль времен, которых я не знаю,
дней грядущих светятся гряды.

Запретил бы спать мне с арфой, право!
Иль другое мне не по плечу?
Иль ты думаешь, что я октавы
тела женского не ухвачу?

III

König, birgst du dich in Finsternissen,
und ich hab dich doch in der Gewalt.
Sieh, mein festes Lied ist nicht gerissen,
und der Raum wird um uns beide kalt.
Mein verwaistes Herz und dein verwornes
hängen in den Wolken deines Zornes,
wütend ineinander eingebissen
und zu einem einzigen verkrallt.

Fühlst du jetzt, wie wir uns umgestalten?
König, König, das Gewicht wird Geist.
Wenn wir uns nur aneinander halten,
du am Jungen, König, ich am Alten,
sind wir fast wie ein Gestirn das kreist.

Josuas Landtag

So wie der Strom am Ausgang seine Dämme
durchbricht mit seiner Mündung Übermaß,
so brach nun durch die Ältesten der Stämme
zum letztenmal die Stimme Josuas.

Wie waren die geschlagen, welche lachten,
wie hielten alle Herz und Hände an,
als hübe sich der Lärm von dreißig Schlachten
in einem Mund; und dieser Mund begann.

Und wieder waren Tausende voll Staunen
wie an dem großen Tag vor Jericho,
nun aber waren in ihm die Posaunen,
und ihres Lebens Mauern schwankten so,

dass sie sich wälzten, von Entsetzen trüchtig
und wehrlos schon und überwältigt, eh
sie's noch gedachten, wie er eigenmächtig
zu Gibeon die Sonne anschrie: Steh!

Und Gott ging hin, erschrocken wie ein Knecht,
und hielt die Sonne, bis ihm seine Hände
wehtaten, ob dem schlachtenden Geschlecht,
nur weil da einer wollte, dass sie stände.

Und das war dieser; dieser Alte wars,
von dem sie meinten, dass er nicht mehr gelte
inmitten seines hundertzehnten Jahrs.
Da stand er auf und brach in ihre Zelte.

Er ging wie Hagel nieder über Halmen.
Was wollt ihr Gott versprechen? Ungezählt
stehn um euch Götter, wartend, dass ihr wählt.
Doch wenn ihr wählt, wird euch der Herr zermalmen.

III

Царь, со мной во тьме играя в прятки,
все же ты теперь в моих руках.
Песнь мою не смять, не сморщить в складки,
только холод нас пробрал впотьмах.
Сердцем сирий я, а ты — заблудший.
Оба мы повисли в черной туче
бешенства, переплетаясь в схватке,
и друг в друга впившись впопыхах.

В этом единении чья заслуга?
Царь, мы в дух преобразили вес.
Нам бы впредь не отпускать друг друга —
юношу и старца — мчась по кругу
чуть ли не созвездьем средь небес.

Собор Иисуса Навина

Как в половодье, подступив к запруде,
река взрывает крепости плотин,
свой голос на израилевых судей
в последний раз низверг Иисус Навин.

Как поразил их страх, как сшиб их наземь,
как замер смех, застыла суета!
Как будто тридцать битв гремели разом
в его устах. И он отверз уста.

Как в тот великий день под Ерихоном,
на тьму народа вновь нашел столбняк.
Но трубы — в нем! — зывали к легионам,
их жизнью стены сотрясая так,

что корчились они, от страха воя,
хотя еще не вспомнили о той
его всевластной дерзости, с какою
он в Гаваоне крикнул солнцу: «Стой!»

И бог пошел, испуганный, как раб,
и над побоищем держал светило.
Он дольше бы держал его, когда б
все тело от усталости не ныло.

Таков он был. Таков он был, старик,
в свои сто десять лет забытый всеми.
Кто б мог поверить, что он вновь возник?
Но вот он встал и опрокинул время.

Весь лагерь содрогнулся от удара:
«Что Богу скажете? Неисчислим
сонм ждущих вас богов. Предайтесь им,
и вас тогда постигнет Божья кара».

Und dann, mit einem Hochmut ohnegleichen:
Ich und mein Haus, wir bleiben ihm vermählt.

Da schrien sie alle: Hilf uns, gib ein Zeichen
und stärke uns zu unsrer schweren Wahl.

Aber sie sahn ihn, wie seit Jahren schweigend,
zu seiner festen Stadt am Berge steigend;
und dann nicht mehr. Es war das letzte Mal.

Der Auszug des verlorenen Sohnes

Nun fortzugehn von alledem Verworfenen,
das unser ist und uns doch nicht gehört,
das, wie das Wasser in den alten Bornen,
uns zitternd spiegelt und das Bild zerstört;
von allem diesen, das sich wie mit Dornen
noch einmal an uns anhängt — fortzugehn
und Das und Den,
die man schon nicht mehr sah
(so täglich waren sie und so gewöhnlich),
auf einmal anzuschauen: sanft, versöhnlich
und wie an einem Anfang und von nah;
und ahnend einzusehn, wie unpersönlich,
wie über alle hin das Leid geschah,
von dem die Kindheit voll war bis zum Rand —:
Und dann doch fortzugehen, Hand aus Hand,
als ob man ein Geheiltes neu zerrisse,
und fortzugehn: wohin? Ins Ungewisse,
weit in ein unverwandtes warmes Land,
das hinter allem Handeln wie Kulisse
gleichgültig sein wird: Garten oder Wand;
und fortzugehn: warum? Aus Drang, aus Artung,
aus Ungeduld, aus dunkler Erwartung,
aus Unverständlichkeit und Unverstand:

Dies alles auf sich nehmen und vergebens
vielleicht Gehaltnes fallen lassen, um
allein zu sterben, wissend nicht warum —

Ist das der Eingang eines neuen Lebens?

Der Ölbaum-Garten

Er ging hinauf unter dem grauen Laub
ganz grau und aufgelöst im Ölgelände
und legte seine Stirne voller Staub
tief in das Staubigsein der heißen Hände.

Nach allem dies. Und dieses war der Schluß.
Jetzt soll ich gehen, während ich erblinde,

Потом, всей силой своего презренья:
«Мой дом и я — мы верность сохраним».

И хором все: «Нам знак яви к спасенью,
ведь тяжесть выбора раздавит нас!»

Но он, как встарь, не говоря ни слова,
поднялся в гору, молча и сурово.
Все видели его. В последний раз.

Уход блудного сына

Уйти, оставив хаос непокорный,
не ставший нашим, нам принадлежа,
что, словно горный ручеек проворный,
неверно отражает нас, дрожа;
покинуть это все, шипами терна
цепляющееся за нас, уйти
и обрести
Того и Тех, прозрев
(они так будничны и так привычны),
открыть глаза, увидеть мир вторично,
но заново, сменив на милость гнев;
внезапно догадаться, как безлично
страдание готовит свой посев,
чтоб с детских лет нас одарить сполна,
и все ж уйти: черта подведена.
Разбередив залеченную рану,
уйти: куда? В неведомые страны,
в далекий край недвижности и сна,
стоящий, как кулисы, постоянно
и безразлично: сад или стена.
Уйти: зачем? Но в этом суть порыва,
надежды смутной и нетерпеливой,
что недомыслием порождена:

Тащить всю тяжесть бытия земного
и выронить в растерянности, чтоб
сойти в уединенья горьком в гроб —

И это ли начало жизни новой?

Гефсиманский сад

Весь серый, среди пепельной листвы,
он был маслин свисавших пропыленной.
Он шел, не вынимая головы
из раскаленной глубины ладоней.

Все в прошлом и неотвратим конец.
Ослепнув, я уйду. Но объясни же,

und warum willst Du, daß ich sagen muß
Du seist, wenn ich Dich selber nicht mehr finde.

Ich finde Dich nicht mehr. Nicht in mir, nein.
Nicht in den andern. Nicht in diesem Stein.
Ich finde Dich nicht mehr. Ich bin allein.

Ich bin allein mit aller Menschen Gram,
den ich durch Dich zu lindern unternahm,
der Du nicht bist. O namenlose Scham...

Später erzählte man: ein Engel kam — .
Warum ein Engel? Ach es kam die Nacht
und blätterte gleichgültig in den Bäumen.
Die Jünger rührten sich in ihren Träumen.
Warum ein Engel? Ach es kam die Nacht.

Die Nacht, die kam, war keine ungeweine;
so gehen hunderte vorbei.
Da schlafen Hunde und da liegen Steine.
Ach eine traurige, ach irgendeine,
die wartet, bis es wieder Morgen sei.

Denn Engel kommen nicht zu solchen Betern,
und Nächte werden nicht um solche groß.
Die Sich-Verlierenden läßt alles los,
und sie sind preisgegeben von den Vätern
und ausgeschlossen aus der Mütter Schooß.

Pietà

So seh ich, Jesus, deine Füße wieder,
die damals eines Jünglings Füße waren,
da ich sie bang entkleidete und wusch;
wie standen sie verwirrt in meinen Haaren
und wie ein weißes Wild im Dornenbusch.

So seh ich deine niegeliebten Glieder
zum erstenmal in dieser Liebesnacht.
Wir legten uns noch nie zusammen nieder,
und nun wird nur bewundert und gewacht.

Doch, siehe, deine Hände sind zerrissen — :
Geliebter, nicht von mir, von meinen Bissen.
Dein Herz steht offen und man kann hinein:
das hätte dürfen nur mein Eingang sein.

Nun bist du müde, und dein müder Mund
hat keine Lust zu meinem wehen Munde — .
O Jesus, Jesus, wann war unsre Stunde?
Wie gehn wir beide wunderbar zugrund.

зачем Ты требуешь, чтоб я, слепец,
Тебя отыскивал, раз я не вижу.

Я больше не найду Тебя. Ни в ком.
Ни в этом камне. Ни в себе самом.
Я не найду Тебя ни в ком другом.

Я с горечью людской наедине.
Я мог с Тобой ее смягчить вполне.
Но нет Тебя. О стыд и горе мне!

По слухам ангел в нашей стороне.
Причем тут ангел? Ах, настала ночь
и равнодушно дерева листала.
Ученики легли в траве устало.
Причем тут ангел? Ах, настала ночь.

Ночь наступила, как и все другие,
как тысячи других ночей.
И камни спят, и псы сторожевые.
Печальная... И будто бы впервые
ждет пробужденья утренних лучей,

К подобной пастве ангел не слетает.
Ночь не возьмет таких под свой покров.
Кто потерял себя — в конце концов
тех матери родные отвергают,
проклятья им — наследство от отцов.

Пиета

Твои ль это стопы, Иисус, твои ли?
И все же, о Иисус, как я их знаю:
не я ль их обмывала, вся в слезах.
Как в тёрн забившаяся дичь лесная,
они в моих белели волосах.

Их до сих пор ни разу не любили.
Я в ночь любви их вижу в первый раз.
С тобой мы лежа так и не делили.
И вот сижу и не смыкаю глаз.

О, эти раны на руках Иисуса!
Возлюбленный, то не мои укусы.
И сердце настезь всем отворено,
но мне в него войти не суждено.

Ты так устал, и твой усталый рот
не тянется к моим устам скорбящим.
Когда мы наш с тобою час обрящем?
Уже — ты слышишь? —
смертный час нам бьет.

Gesang der Frauen
an den Dichter

Sieh, wie sich alles auftut: so sind wir;
denn wir sind nichts als solche Seligkeit.
Was Blut und Dunkel war in einem Tier,
das wuchs in uns zur Seele an und schreit

als Seele weiter. Und es schreit nach dir.
Du freilich nimmst es nur in dein Gesicht
als sei es Landschaft: sanft und ohne Gier.
Und darum meinen wir, du bist es nicht,

nach dem es schreit. Und doch, bist du nicht der,
an den wir uns ganz ohne Rest verlören?
Und werden wir in irgend einem mehr?

Mit uns geht das Unendliche vorbei.
Du aber sei, du Mund, daß wir es hören,
du aber, du Uns-Sagender: du sei.

Der Tod des Dichters

Er lag. Sein aufgestelltes Antlitz war
bleich und verweigernd in den steilen Kissen,
seitdem die Welt und dieses von-ihr-Wissen,
von seinen Sinnen abgerissen,
zurückfiel an das teilnahmslose Jahr.

Die, so ihn leben sahen, wußten nicht,
wie sehr er Eines war mit allem diesen;
denn Dieses: diese Tiefen, diese Wiesen
und diese Wasser waren sein Gesicht.

O sein Gesicht war diese ganze Weite,
die jetzt noch zu ihm will und um ihn wirbt;
und seine Maske, die nun bang verdirbt,
ist zart und offen wie die Innenseite
von einer Frucht, die an der Luft verdirbt.

Buddha

Als ob er horchte. Stille: eine Ferne...
Wir halten ein und hören sie nicht mehr.
Und er ist Stern. Und andre große Sterne,
die wir nicht sehen, stehen um ihn her.

O er ist Alles. Wirklich, warten wir,
daß er uns sähe? Sollte er bedürfen?
Und wenn wir hier uns vor ihm niederwürfen,
er bliebe tief und träge wie ein Tier.

Пение женщин,
обращенное к поэту

О, посмотри на нас! Взгляни, какой
в блаженстве мир. Он для тебя открыт.
Что в звере было смесью крови с тьмой,
то в нас душою стало и кричит,

к тебе взывая страстью вековой.
Но на лице внимательном твоём,
читаем мы лишь кротость и покой.
Что ты совсем не тот, кого зовем,

нам кажется тогда. Но не в тебе ль
мы без остатка души растворили?
И разве есть у нас иная цель?

Все вечное уходит с нами в путь.
Лишь ты, вещун, оставь свой голос в силе
и здесь, нас воспевающий, пребудь!

Смерть поэта

Его недвижный отчужденный лик
приподнят в изголовий отвесно.
Весь внешний мир с тем, что ему известно
об этом мире было, канул в бездну,
в довременьи и безучастьи сник.

Никто на свете ведь не знал о том,
насколько тесно он был с этим связан:
с водою этой, с глубию этой, с вязом, —
что было это все его лицом.

И до сих пор его лицо — приманка
для шири, что была ему верна.
Мертвеет маска, но пока она,
как тронутая воздухом изнанка
плода, какой-то миг еще нежна.

Будда

Он слушает как будто. Тишь простора...
А мы не слышим этой тишины.
И он — звезда. Он в самой гуще хора
тех звезд, которые нам не видны.

Он — это все. Но ждем ли мы всерьез,
что он увидит нас? О самомненье!
Да пусть пред ним мы рухнем на колени,
а что ему? Он — как ленивый лес.

Denn das, was uns zu seinen Füßen reißt,
das kreist in ihm seit Millionen Jahren.
Er, der vergißt was wir erfahren
und der erfährt was uns verweist.

L'Ange du Méridien Chartres

Im Sturm, der um die starke Kathedrale
wie ein Verneiner stürzt der denkt und denkt,
fühlt man sich zärtlicher mit einem Male
von deinem Lächeln zu dir hingelenkt:

lächelnder Engel, fühlende Figur,
mit einem Mund, gemacht aus hundert Munden:
gewahrst du gar nicht, wie dir unsre Stunden
ableiten von der vollen Sonnenuhr,

auf der des Tages ganze Zahl zugleich,
gleich wirklich, steht in tiefem Gleichgewichte,
als wären alle Stunden reif und reich.

Was weißt du, Steinerner, von unserm Sein?
und hältst du mit noch seligerm Gesichte
vielleicht die Tafel in die Nacht hinein?

Die Kathedrale

In jenen kleinen Städten, wo herum
die alten Häuser wie ein Jahrmarkt hocken,
der sie bemerkt hat plötzlich und, erschrocken,
die Buden zumacht und, ganz zu und stumm,

die Schreier still, die Trommeln angehalten,
zu ihr hinaufhorcht aufgeregten Ohrs —:
dieweil sie ruhig immer in dem alten
Faltenmantel ihrer Contreforts
dasteht und von den Häusern gar nicht weiß:

in jenen kleinen Städten kannst du sehn,
wie sehr entwachsen ihrem Umgangskreis
die Kathedralen waren. Ihr Erstehn
ging über alles fort, so wie den Blick
des eignen Lebens viel zu große Nähe
fortwährend übersteigt, und als geschähe
nichts anderes; als wäre Das Geschick,
was sich in ihnen aufhäuft ohne Maßen,
versteinert und zum Dauernden bestimmt,
nicht Das, was unten in den dunkeln Straßen
vom Zufall irgendwelche Namen nimmt
und darin geht, wie Kinder Grün und Rot
und was der Krämer hat als Schürze tragen.

Ведь вес, что тянет нас к его ногам,
кружится в нем самом миллионолетья.
За наши знанья не в ответе,
он вечно недоступен нам.

L'Ange du Mйridien

Когда, как богоборец, вкрут собора
ярится буря с каждым вихрем злей,
внезапно ты приковываешь взоры
улыбкою блаженною своей.

Ласковый ангел! Мудрый солнцелов!
Твои уста воистину стоусты,
но разве ты не чувствуешь, как густо
часы стекают с солнечных часов,

где разом цифры дня размещены
и выровнены в строгом равновесии,
и все часы, как спелый плод, сочны?

Что в нас ты, камень, понял на свету?
И, может быть, твой взгляд в ночной завесе
еще блаженней смотрит в темноту?

Собор

В тех городах старинных, где дома
толпятся, наползая друг на друга,
как будто им напугана округа
и ярмарки застыла кутерьма,

как будто зазевались зазывалы
и все умолкло, превратившись в слух,
пока он, завернувшись в покрывало
контрфорсов, сторонится всех вокрут
и ничего не знает о домах:

в тех городах старинных ты бы мог
от обихода отличить размах
соборов кафедральных. Их исток
превысил всё и вся. Он так высок,
что не вмещается в пределы взгляда,
как близость собственного «я» — громада
необозримая. Как будто рок,
что в них накапливается без меры
и каменеет — вечности стена —
не то, что там, в низине грязно-серой
случайные хватая имена,
рядится в ярко-красное рядно,
напяливает синие уборы.

Da war Geburt in diesen Unterlagen,
und Kraft und Andrang war in diesem Ragen
und Liebe überall wie Wein und Brot,
und die Portale voller Liebesklagen.
Das Leben zögerte im Stundenschlagen,
und in den Türmen, welche voll Entsagen
auf einmal nicht mehr stiegen, war der Tod.

Das Portal

I

Da blieben sie, als wäre jene Flut
zurückgetreten, deren großes Branden
an diesen Steinen wusch, bis sie entstanden;
sie nahm im Fallen manches Attribut

aus ihren Händen, welche viel zu gut
und gebend sind, um etwas festzuhalten.
Sie blieben, von den Formen in Basalten
durch einen Nimbus, einen Bischofshut,

bisweilen durch ein Lächeln unterschieden,
für das ein Antlitz seiner Stunden Frieden
bewahrt hat als ein stilles Zifferblatt;

jetzt fortgerückt ins Leere ihres Tores,
waren sie einst die Muschel eines Ohres
und fingen jedes Stöhnen dieser Stadt.

II

Sehr viele Weite ist gemeint damit:
so wie mit den Kulissen einer Szene
die Welt gemeint ist; und so wie durch jene
der Held im Mantel seiner Handlung tritt: —

so tritt das Dunkel dieses Tores handelnd
auf seiner Tiefe tragisches Theater,
so grenzenlos und wallend wie Gott-Vater
und so wie Er sich wunderlich verwandelnd

in einen Sohn, der aufgeteilt ist hier
auf viele kleine beinahe stumme Rollen,
genommen aus des Elends Zubehör.

Denn nur noch so entsteht (das wissen wir)
aus Blinden, Fortgeworfenen und Tollen
der Heiland wie ein einziger Akteur.

Здесь были роды, где теперь — опора,
а выше — сила и разгон напора,
езде любовь, как хлеб или вино,
в порталах жалобы любви, укору,
но бой часов — предвестник смерти скорой,
и вслед за ним кончаются соборы
и рост свой прекращают заодно.

Портал

I

Они остались здесь, когда прилив
отхлынул и когда прибой-ваятель,
точивший эти камни, вдруг утратил
былую мощь, внезапно отступив.

Но второпях они наперерыв
ему свои дарили атрибуты.
Они остались здесь, по форме будто —
причудливый базальтовый массив.

Их отличают только нимб, тиара
или той улыбки ангельские чары,
что сторожит недвижимый циферблат.

Теперь запрятавшиеся в портале,
они когда-то с жадностью вбирали
в себя все стоны города подряд.

II

Какую ширь в себя вместил прибой!
Вот так кулис передвижные стены
вмещают целый мир. И как на сцену
вступает в тоге действия герой,

Так действует и эта тьма портала,
трагедию его глубин играя,
как Бог-отец, что без конца и края,
и так же превращается к финалу

в того, кто назван Сыном, эту роль
разбив на многочисленные роли —
людских несчастий онемевший хор.

Ведь так возник, в себя вобрав всю боль
слепых и проклятых в земной юдоли,
Спаситель, как единственный актер.

III

So ragen sie, die Herzen angehalten
(sie stehn auf Ewigkeit und gingen nie);
nur selten tritt aus dem Gefäll der Falten
eine Gebärde, aufrecht, steil wie sie,

und bleibt nach einem halben Schritte stehn
wo die Jahrhunderte sie überholen.
Sie sind im Gleichgewicht auf den Konsolen,
in denen eine Welt, die sie nicht sehn,

die Welt der Wirrnis, die sie nicht zertraten,
Figur und Tier, wie um sie zu gefährden,
sich krümmt und schüttelt und sie dennoch hält:

weil die Gestalten dort wie Akrobaten
sich nur so zuckend und so wild gebärden,
damit der Stab auf ihrer Stirn nicht fällt.

Die Fensterrose

Da drin: das träge Treten ihrer Tatzen
macht eine Stille, die dich fast verwirrt;
und wie dann plötzlich eine von den Katzen
den Blick an ihr, der hin und wieder irrt,

gewaltsam in ihr großes Auge nimmt, -
den Blick, der, wie von eines Wirbels Kreis
ergriffen, eine kleine Weile schwimmt
und dann versinkt und nichts mehr von sich weiß,

wenn dieses Auge, welches scheinbar ruht,
sich auftut und zusammenschlägt mit Tosen
und ihn hineinreißt bis ins rote Blut -:

So griffen einstmals aus dem Dunkelsein
der Kathedralen große Fensterrosen
ein Herz und rissen es in Gott hinein.

Das Kapitäl

Wie sich aus eines Traumes Ausgeburten
aufsteigend aus verwirrendem Gequäl
der nächste Tag erhebt: so gehn die Gurten
der Wölbung aus dem wirren Kapitäl

und lassen drin, gedrängt und rätselhaft
verschlungen, flügelschlagende Geschöpfe:
ihr Zögern und das Plötzliche der Köpfe
und jene starken Blätter, deren. Saft

III

Так высятся они с мольбой во взглядах.
Они стоят навечно искони.
Лишь изредка из-под каскада складок
возникнет жест, отвесный, как они,

чтобы остановиться через миг
там, где столетьям вольное раздолье.
Они всей тяжестью вросли в консоли,
в которых мир, невидимый для них,

мир хаоса, пятой к земле прижатый,
урод и зверь с ужимкою угрозы,
их держит, корчась, на своем горбу:

фигуры там внизу как акробаты
кривляясь, принимают эти позы,
чтоб балансировать жезлом на лбу.

Окно-роза

Там лап ленивых плавное движенье
рождает страшной тишины раскат.
Но вот одна из кошек, взяв мишенью
блуждающий по ней тревожный взгляд,

его вбирает в свой огромный глаз,
и взгляд, затянутый в водоворот
зрачка, захлебываясь и кружась,
ко дну навстречу гибели идет, —

когда притворно-спящий глаз, на миг
открывшись, вновь смыкается поспешно,
чтоб жертву в недрах утопить своих.

вот так соборов окна-розы встарь,
взяв сердце чье-нибудь из тьмы крошечной,
его бросали Богу на алтарь.

Капитель

Как из трясины сновидений, с ходу
прорвав ночных кошмаров канитель,
всплывает новый день, — вот так по своду
бегут гурты, оставив капитель

с ее запутавшеюся в клубок
крылатой тварью, сбившеюся в кучу,
загадочно-трепещущей, прыгучей,
и мощною листвою, которой сок

wie Jähzorn steigt, sich schließlich überschlagend
in einer schnellen Geste, die sich ballt
und sich heraushält — : alles aufwärtsjagend,

was immer wieder mit dem Dunkel kalt
herunterfällt, wie Regen Sorge tragend
für dieses alten Wachstums Unterhalt.

Gott im Mittelalter

Und sie hatten Ihn in sich erspart
und sie wollten, daß er sei und richte,
und sie hängten schließlich wie Gewichte
(zu verhindern seine Himmelfahrt)

an ihn ihrer großen Kathedralen
Last und Masse. Und er sollte nur
über seine grenzenlosen Zahlen
zeigend kreisen und wie eine Uhr

Zeichen geben ihrem Tun und Tagwerk.
Aber plötzlich kam er ganz in Gang,
und die Leute der entsetzten Stadt

ließen ihn, vor seiner Stimme bang,
weitergehn mit ausgehängtem Schlagwerk
und entflohn vor seinem Zifferblatt.

Morgue

Da liegen sie bereit, als ob es gälte,
nachträglich eine Handlung zu erfinden,
die mit einander und mit dieser Kälte
sie zu versöhnen weiß und zu verbinden;

denn das ist alles noch wie ohne Schluß.
Wasfür ein Name hätte in den Taschen
sich finden sollen? An dem Überdruß
um ihren Mund hat man herumgewaschen:

er ging nicht ab; er wurde nur ganz rein.
Die Bärte stehen, noch ein wenig härter,
doch ordentlicher im Geschmack der Wärter,

nur um die Gaffenden nicht anzuwidern.
Die Augen haben hinter ihren Lidern
sich umgewandt und schauen jetzt hinein.

vzвивается, как гнев, но в перехлесте
свернувшись, как спираль, на полпути,
пружинит, разжимаясь в быстром росте

всего, что купол соберет в горсти
и выронит во тьме, как ливня гроздь,
чтоб жизнь могла на утро прорасти.

Бог в Средние века

И они его в себе несли,
чтоб он был и правил в этом мире,
и привесили к нему, как гири,
(так от вознесенья стерегли)

все соборы о едином клире
тяжким грузом, чтобы он, кружа
над своей бескрайнею цифирью,
но не преступая рубежа,

был их будней, как часы, вожатый.
Но внезапно он ускорил ход,
маятником их сбивая с ног,

и отхлынул в панике народ,
прячась в ужасе от циферблата.
И ушел, гремя цепями, Бог.

Морг

Их приготовили к игре постфактум,
как будто дело за апофеозом,
что примирит их с предыдущим актом,
и каждого — друг с другом и с морозом.

Иначе — словно не было конца.
И тщетно в поисках имен карманы
обыскивали тщательно. С лица
у губ следы тоски смывали рьяно:

их не сотрешь — видны сквозь белизну.
Но бороды торчат ровней и тверже,
по вкусу сторожей чуть-чуть подмерзши,

чтоб с отвращеньем не ушли зеваки.
Глаза поворачиваются во мраке
зрачками внутрь и смотрят в глубину.

Der Gefangene

I

Meine Hand hat nur noch eine
Gebärde, mit der sie verscheucht;
auf die alten Steine
fällt es aus Felsen feucht.

Ich höre nur dieses Klopfen
und mein Herz hält Schritt
mit dem Gehen der Tropfen
und vergeht damit.

Tropfen sie doch schneller,
käme doch wieder ein Tier.
Irgendwo war es heller —
Aber was wissen wir.

II

Denk dir, das was jetzt Himmel ist und Wind,
Luft deinem Mund und deinem Auge Helle,
das würde Stein bis um die kleine Stelle
an der dein Herz und deine Hände sind.
Und was jetzt in dir morgen heißt und dann
und: späterhin und nächstes Jahr und weiter —
das würde wund in dir und voller Eiter
und schwäre nur und bräche nicht mehr an.

Und das was war, das wäre irre und
raste in dir herum, den lieben Mund
der niemals lachte, schäumend von Gelächter.

Und das was Gott war, wäre nur dein Wächter
und stopfte boshaft in das letzte Loch
ein schmutziges Auge. Und du lebstest doch.

Der Panther Im Jardin des Plantes, Paris

Sein Blick ist vom Vorübergehn der Stäbe
so müd geworden, daß er nichts mehr hält.
Ihm ist, als ob es tausend Stäbe gäbe
und hinter tausend Stäben keine Welt.

Der weiche Gang geschmeidig starker Schritte,
der sich im allerkleinsten Kreise dreht,
ist wie ein Tanz von Kraft um eine Mitte,
in der betäubt ein großer Wille steht.

Nur manchmal schiebt der Vorhang der Pupille
sich lautlos auf —. Dann geht ein Bild hinein,

Узник

I

Для того ль рука дана мне,
чтоб я тоску отгонял?
На старые камни
каплет влага со скал.

Я слышу лишь стук капли.
И сердце вместе с ней
рвется в то же ущелье,
или чуть быстрее.

Хоть бы, капли рассея,
появился бы зверь...
Где-то было светлее...
Да что мне теперь?..

II

Еще пока есть небо над тобой,
и воздух — рту, сиянье света — глазу,
но вот, представь, все станет камнем сразу,
вкруг сердца грозно выросшим стеной.
Еще в тебе есть «завтра» и «потом»,
«когда-нибудь» и «через год», и «вскоре».
Но станет это кровью в каждой поре,
непрорывающимся гнойником.

А то, что было — то сойдет с ума.
От смеха содрогнется вся тюрьма,
и этот хохот — признак, что ты спятил.

На место Бога станет надзиратель,
и грязным глазом он заткнет глазок.
А ты — ты жив еще. И он — твой бог.

Пантера Жардэн де Плант, Париж

В глазах рябит. Куда ни повернуть их
одни лишь прутья, тысяч прутьев ряд.
И для нее весь мир на этих прутьях
сошелся клином, притупляя взгляд.

Беззвучным шагом, поступью упругой
описывая тесный круг, она,
как в танце силы, мечется по кругу,
где воля мощная погребена.

Лишь временами занавес зрачковый
бесшумно поднимается. Тогда

geht durch der Glieder angespannte Stille —
und hört im Herzen auf zu sein.

Die Gazelle
Gazella Dorcas

Verzauberte: wie kann der Einklang zweier
erwählter Worte je den Reim erreichen,
der in dir kommt und geht, wie auf ein Zeichen.
Aus deiner Stirne steigen Laub und Leier,

und alles Deine geht schon im Vergleich
durch Liebeslieder, deren Worte, weich
wie Rosenblätter, dem, der nicht mehr liest,
sich auf die Augen legen, die er schließt:

um dich zu sehen: hingetragen, als
wäre mit Sprüngen jeder Lauf geladen
und schösse nur nicht ab, solange der Hals

das Haupt ins Horchen hält: wie wenn beim Baden
im Wald die Badende sich unterbricht:
den Waldsee im gewendeten Gesicht.

Das Einhorn

Der Heilige hob das Haupt, und das Gebet
fiel wie ein Helm zurück von seinem Haupte:
denn lautlos nahte sich das niegeglaubte,
das weiße Tier, das wie eine geraubte
hülflöse Hindin mit den Augen fleht.

Der Beine elfenbeinernes Gestell
bewegte sich in leichten Gleichgewichten,
ein weißer Glanz glitt selig durch das Fell,
und auf der Tierstirn, auf der stillen, lichten,
stand, wie ein Turm im Mond, das Horn so hell,
und jeder Schritt geschah, es aufzurichten.

Das Maul mit seinem rosagrauen Flaum
war leicht gerafft, so daß ein wenig Weiß
(weißer als alles) von den Zähnen glänzte;
die Nüstern nahmen auf und lechzten leis.
Doch seine Blicke, die kein Ding begrenzte,
warfen sich Bilder in den Raum
und schlossen einen blauen Sagenkreis.

Sankt Sebastian

Wie ein Liegender so steht er; ganz
hingehalten von dem großen Willen.

по жилам бьет струя стихии новой.
чтоб в сердце смолкнуть навсегда.

Газель
Gazella Dorcas

Завороженная: в созвучьях мира
нет рифмы совершеннее и строже,
чем та, что по тебе проходит дрожью.
На лбу твоём растут листва и лира.

Ты вся, как песнь любви, из нежных слов,
слетевших наподобье лепестков
с увядшей розы, чтоб закрыть глаза
тому, кто книгу отложил из-за

желания тебя увидеть. Как
будто прыжками стройный стал заряжен,
но медлит с выстрелом, куда знак

не дан, и ты вся слух, и взгляд твой влажен,
как у купальщицы в пруду лесном,
оборотившемся ее лицом.

Единорог

Святой поднялся, обронив куски
молитв, разбившихся о созерцанье:
к нему шел вырвавшийся из преданья
белесый зверь с глазами, как у лани
украденной, и полными тоски.

В непринужденном равновесии ног
мерцала белизна слоновой кости,
и белый блеск, скользя, по шерсти тек,
а на зверином лбу, как на помосте,
сиял, как башня в лунном свете, рог
и с каждым шагом выпрямлялся в росте.

Пасть с серовато-розовым пушком
слегка подсвечивалась белизной
зубов, обозначавшихся все резче.
И ноздри жадно впитывали зной.
Но взгляда не задерживали вещи —
он образы метал кругом,
замкнув весь цикл преданий голубой.

Святой Себастьян

Будто лежа он стоит, высок,
мощной волею уравновешен,

Weitentückt wie Mütter, wenn sie stillen,
und in sich gebunden wie ein Kranz.

Und die Pfeile kommen: jetzt und jetzt
und als sprängen sie aus seinen Lenden,
eisern bebend mit den freien Enden.
Doch er lächelt dunkel, unverletzt.

Einmal nur wird seine Trauer groß,
und die Augen liegen schmerzlich bloß,
bis sie etwas leugnen, wie Geringes,
und als ließen sie verächtlich los
die Vernichter eines schönen Dinges.

Der Stifter

Das war der Auftrag an die Malergilde.
Vielleicht daß ihm der Heiland nie erschien;
vielleicht trat auch kein heiliger Bischof milde
an seine Seite wie in diesem Bilde
und legte leise seine Hand auf ihn.

Vielleicht war dieses alles: so zu knien
(so wie es alles ist was wir erfuhren):
zu knien: daß man die eigenen Konturen,
die auswärtswollenden, ganz angespannt
im Herzen hält, wie Pferde in der Hand.

Daß wenn ein Ungeheueres geschähe,
das nicht versprochen ist und nieverbriefft,
wir hoffen könnten, daß es uns nicht sähe
und näher käme, ganz in unsre Nähe,
mit sich beschäftigt und in sich vertieft.

Der Engel

Mit einem Neigen seiner Stirne weist
er weit von sich was einschränkt und verpflichtet;
denn durch sein Herz geht riesig aufgerichtet
das ewig Kommende das kreist.

Die tiefen Himmel stehn ihm voll Gestalten,
und jede kann ihm rufen: komm, erkenn — .
Gieb seinen leichten Händen nichts zu halten
aus deinem Lastenden. Sie kämen denn

bei Nacht zu dir, dich ringender zu prüfen,
und gingen wie Erzürnte durch das Haus
und griffen dich als ob sie dich erschüfen
und brächen dich aus deiner Form heraus.

словно мать кормящая, нездешен,
и в себе замкнувшись, как венок.

Стрелы же охотятся за ним
и концами мелкой дрожью бьются,
словно вспять из этих бедер рвутся,
он стоит — улыбчив, нераним.

Только раз в его глазах тоска
болью обозначилась слегка,
чтоб он смог презрительней и резче
выдворить из каждого зрачка
осквернителя прекрасной вещи.

Даритель

Он цеху заказал картину на дом.
Возможно, что Господь его забыл,
и что, в отличие от картины, рядом
с ним не стоял епископ с кротким взглядом,
и что его он не благословил.

Возможно, в этом напряженьи сил
коленипреклоненного — все те же
попытки удержать от центробежья
свой контур, устремившийся вовне,
как держат всю упряжку в пятерне.

Чтоб, если суждено свершиться чуду —
что, впрочем, не было предрешиено, —
мы верили, что, и дойдя досюда,
оно бы нам не причинило худа,
самим собою лишь поглощено.

Ангел

Наклоном головы он отогнал
все наставленья, все «нельзя» и «надо».
Ведь через сердце движется громада
по кругу мчащихся начал.

В глубинах неба образы и лица.
Вот-вот услышит зов он: «Отыщи!»
Пусть легкость рук его не отягчится
твоей заботой. Иначе в ночи

они, с тобой борясь в остервененьи
и в бешенстве перевернув весь дом,
тебя, как будто бы ты их творенье,
возьмут, из формы выломав куском.

Römische Sarkophage

Was aber hindert uns zu glauben, daß
(so wie wir hingestellt sind und verteilt)
nicht eine kleine Zeit nur Drang und Haß
und dies Verwirrende in uns verweilt,

wie einst in dem verzierten Sarkophag
bei Ringen, Götterbildern, Gläsern, Bändern,
in langsam sich verzehrenden Gewändern
ein langsam Aufgelöstes lag —

bis es die unbekanntnen Munde schluckten,
die niemals reden. (Wo besteht und denkt
ein Hirn, um ihrer einst sich zu bedienen?)

Da wurde von den alten Aquädukten
ewiges Wasser in sie eingelenkt —:
das spiegelt jetzt und geht und glänzt in ihnen.

Der Schwan

Diese Mühsal, durch noch Ungetanes
schwer und wie gebunden hinzugehn,
gleicht dem ungeschaffnen Gang des Schwanes.

Und das Sterben, dieses Nichtmehrfaßen
jenes Grunds, auf dem wir täglich stehn,
seinem ängstlichen Sich-Niederlassen —:

in die Wasser, die ihn sanft empfangen
und die sich, wie glücklich und vergangen,
unter ihm zurückziehn, Flut um Flut;
während er unendlich still und sicher
immer mündiger und königlicher
und gelassener zu ziehn geruht.

Kindheit

Es wäre gut viel nachzudenken, um
von so Verlorenem etwas auszusagen,
von jenen langen Kindheit-Nachmittagen,
die so nie wiederkamen — und warum?

Noch mahnt es uns —: vielleicht in einem Regnen,
aber wir wissen nicht mehr was das soll;
nie wieder war das Leben von Begegnen,
von Wiedersehn und Weitergehn so voll

wie damals, da uns nichts geschah als nur
was einem Ding geschieht und einem Tiere:
da lebten wir, wie Menschliches, das Ihre
und wurden bis zum Rande voll Figur.

Римские саркофаги

Что воспретит увериться нам в том
(нам — отбывающим земной постой),
что мы не краткий миг один живем
смятеньем, ненавистью, суетой, —

как встарь хранил богатый саркофаг
при ожерельях, идолах, опалах
в ветшающих веками покрывалах;
распадом заряженный прах —

пока уста, не знающие звуков,
его не поглощали. (Где, когда
найдется мозг, чтоб научить их речи?)

Тогда-то вот из древних акведуков
к ним завернула вечная вода —
доныне в блеске к ним идя навстречу.

Лебедь

Эта мука — проходить трясиной
неизведанного в путях дней —
поступи подобна лебединой.

Смерть — конечное непостижение
основанья нашей жизни всей —
робкому его же приводненью —

Подхватив его, речное лоно
постепенно, нежно и влюбленно,
все течение снизу уберет.
Лебедь же, теперь воссев на ложе,
с каждым мигом царственней и строже,
и небрежней тянется вперед.

Детство

Неплохо бы работу дать уму,
немного поразмыслив об утратах,
о долгих детских днях и о закатах,
раз навсегда ушедших — почему?

Случается: в ненастье, в непогоду
нам что-то померещится, как знак.
Но встречи и свиданья, и уходы
нас больше не переполняют так,

как в детстве, что в плену у пустяков
не более, чем вещи или звери.
Мы им себя дарили в полной мере
и наполнялись ими до краев.

Und wurden so vereinsamt wie ein Hirt
und so mit großen Fernen überladen
und wie von weit berufen und berührt
und langsam wie ein langer neuer Faden
in jene Bilder-Folgen eingeführt,
in welchen nun zu dauern uns verwirrt.

Der Dichter

Du entfernst dich von mir, du Stunde.
Wunden schlägt mir dein Flügelschlag.
Allein: was soll ich mit meinem Munde?
mit meiner Nacht? mit meinem Tag?

Ich habe keine Geliebte, kein Haus,
keine Stelle auf der ich lebe
Alle Dinge, an die ich mich gebe,
werden reich und geben mich aus.

Die Spitze

I

Menschlichkeit: Namen schwankender Besitze,
noch unbestätigter Bestand von Glück:
ist das unmenschlich, daß zu dieser Spitze,
zu diesem kleinen dichten Spitzenstück
zwei Augen wurden? — Willst du sie zurück?

Du Langvergangene und schließlich Blinde,
ist deine Seligkeit in diesem Ding,
zu welcher hin, wie zwischen Stamm und Rinde,
dein großes Fühlen, kleinverwandelt, ging?

Durch einen Riß im Schicksal, eine Lücke
entzogst du deine Seele deiner Zeit;
und sie ist so in diesem lichten Stücke,
daß es mich lächeln macht vor Nützlichkeit.

II

Und wenn uns eines Tages dieses Tun
und was an uns geschieht gering erschiene
und uns so fremd, als ob es nicht verdiene,
daß wir so mühsam aus den Kinderschuhn
um seinetwillen wachsen —: Ob die Bahn
vergilbter Spitze, diese dichtgefügte
blumige Spitzenbahn, dann nicht genüge,
uns hier zu halten? Sieh: sie ward getan.

И сиротели мы исподтишка,
как пастухи под грузом дальних далей,
и, кем-то призванных издалека,
нас, будто нитку новую, вплетали
поочередно в образы, пока
не выбирали нового мотка.

Поэт

Ты изранил меня крылами,
о мой час, улетаая прочь!
Куда мне деться с моими устами?
На что мне день? На что мне ночь?

Сиротея день ото дня,
я тону в людском равнодушьи.
Вещи, которым я отдал душу,
по частям расточают меня.

Кружево

I

Гуманность — имя шатким представленьям
и к счастью неподтвержденный путь:
бесчеловечно разве, что плетеньем,
что кружевом оборотилась суть
двух женских глаз? Ты хочешь их вернуть?

Усопшая, слепая кружевница!
Твое блаженство в эту вещь вошло,
к которой чувство, сжатое в крупицу,
как меж корою и стволом влекло.

Ты душу потеряла в узкой щели
судьбы, со временем утратив связь.
Но теплится она в твоём изделье,
улыбкой на моем лице светясь,

II

И если нам однажды этот труд
покажется каким-то неказистым,
не стоящим того, чтобы тернистым
ради него путем от детских пут
мы избавлялись — ты скажи — оно,
вот это кружево, не удержало б
от этих мук нас и от этих жалоб
раз навсегда? Оно сотворено.

Ein Leben ward vielleicht verschmäht, wer weiß?
Ein Glück war da und wurde hingegeben,
und endlich wurde doch, um jeden Preis,
dies Ding daraus, nicht leichter als das Leben
und doch vollendet und so schön als sei's
nicht mehr zu früh, zu lächeln und zu schweben.

Ein Frauen-Schicksal

So wie der König auf der Jagd ein Glas
ergreift, daraus zu trinken, irgendeines, —
und wie hernach der welcher es besaß
es fortstellt und verwahrt als wär es keines:

so hob vielleicht das Schicksal, durstig auch,
bisweilen Eine an den Mund und trank,
die dann ein kleines Leben, viel zu bang
sie zu zerbrechen, abseits vom Gebrauch

hinstellte in die ängstliche Vitrine,
in welcher seine Kostbarkeiten sind
(oder die Dinge, die für kostbar gelten).

Da stand sie fremd wie eine Fortgeliehne
und wurde einfach alt und wurde blind
und war nicht kostbar und war niemals selten.

Die Genesende

Wie ein Singen kommt und geht in Gassen
und sich nähert und sich wieder scheut,
flügelschlagend, manchmal fast zu fassen
und dann wieder weit hinausgestreut:

spielt mit der Genesenden das Leben;
während sie, geschwächt und ausgeruht,
unbeholfen, um sich hinzugeben,
eine ungewohnte Geste tut.

Und sie fühlt es beinah wie Verführung,
wenn die hartgewordne Hand, darin
Fieber waren voller Widersinn,
fernher, wie mit blühender Berührung,
zu lieblosen kommt ihr hartes Kinn.

Die Erwachsene

Das alles stand auf ihr und war die Welt
und stand auf ihr mit allem, Angst und Gnade,

Здесь жизнью, может быть, пренебрегли,
здесь счастье было попорано судьбою.
Но где-то уж маячила вдали
та вещь, что совершенной красотою
не уступает всем цветам земли...
Седьмое небо, небо кружевное!

Судьба женщины

Как на охоте, свесившись с коня,
король стакан хватает, чтоб напиться,
и как владельцем с памятного дня
он под стеклом реликвией хранится,

вот так судьба, возжаждавши, подчас
подносит Некую к губам и пьет,
и, осушив по каплям, отдает
тому, кто в жалком рвении, боясь

ее разбить, хранит всю жизнь в витрине,
где ценности хранятся под стеклом
(иль то, что он считает таковыми).

И там она с тех пор стоит донныне,
и слепнет, и дряхлеет с каждым днем —
вещь, безделушка — наравне с другими.

Выздоровливающая

Как парящая по переулку
песня льется из конца в конец,
исчезая вдруг, то снова гулко
хлопая крылами у крылец,

так очнувшуюся от недуга
дразнит жизнь, заигрывая с ней —
неокрепшей, что в ответ с натугой
дарит первый жест за много дней.

Но, захваченная упоеньем,
непослушная ее рука
стала вдруг подвижна и гибка
и уже спешит с прикосновеньем
к подбородку с ласкою цветка.

Взрослая

Она несла все это — мир забот,
мир милости и страха, и все это,

wie Bäume stehen, wachsend und gerade,
ganz Bild und bildlos wie die Bundeslade
und feierlich, wie auf ein Volk gestellt.

Und sie ertrug es; trug bis obenhin
das Fliegende, Entfliehende, Entfernte,
das Ungeheuere, noch Unerlernte
gelassen wie die Wasserträgerin
den vollen Krug. Bis mitten unterm Spiel,
verwandelnd und auf andres vorbereitend,
der erste weiße Schleier, leise gleitend,
über das aufgetane Antlitz fiel

fast undurchsichtig und sich nie mehr hebend
und irgendwie auf alle Fragen ihr
nur eine Antwort vage wiedergebend:
In dir, du Kindgewesene, in dir.

Tanagra

Ein wenig gebrannter Erde,
wie von großer Sonne gebrannt.
Als wäre die Gebärde
einer Mädchenhand
auf einmal nicht mehr vergangen;
ohne nach etwas zu langen,
zu keinem Dinge hin
aus ihrem Gefühle führend,
nur an sich selber rührend
wie eine Hand ans Kinn.

Wir heben und wir drehen
eine und eine Figur;
wir können fast verstehen
weshalb sie nicht vergehen, —
aber wir sollen nur
tiefer und wunderbarer
hängen an dem was war
und lächeln: ein wenig klarer
vielleicht als vor einem Jahr.

Die Erblindende

Sie saß so wie die anderen beim Tee.
Mir war zuerst, als ob sie ihre Tasse
ein wenig anders als die andern fasse.
Sie lächelte einmal. Es tat fast weh.

Und als man schließlich sich erhob und sprach
und langsam und wie es der Zufall brachte
durch viele Zimmer ging (man sprach und lachte),
da sah ich sie. Sie ging den andern nach,

как дерева в лесу, тянулось к свету,
вне образности, как ковчег завета,
как образ славы, вышедшей в поход.

И вынесла все это до вершин —
летающее, огромное, чужое,
угадываемое лишь порою —
спокойно, как несущая кувшин,
налитый до краев. Но в некий миг,
ее обрекший на преображенье,
впервые белый плат нависшей тенью
спустился на открытый светлый лик

почти непроницаемым покровом,
И вот на все вопросы о судьбе
дает одни ответ туманным словом:
«В тебе, о бывшее дитя, в тебе».

Танагра

Всего-то: солнца горенье
и жженой глины куски.
Как будто бы движенье
девичьей руки
внезапно остановилось,
и не влеклось, не стремилось
к вещам, но исподтишка
лишь чувству она подчинялась
и к себе самой прикасалась,
как к подбородку рука.

Мы вертим по порядку
фигурки одну за другой,
мы в миг постигли краткий
их вечности загадку —
всего-то и надо порою
стоять у веков порога.
в древность вперья взгляд,
и улыбаться немного
светлее, чем год назад.

Слепнувшая

Она, как все, сидела за столом.
Но чашку — показалось мне сначала —
она чуть-чуть не так, как все, держала.
Потом вдруг улыбнулась. Только ртом.

Когда же встали все из-за стола
и разбрелись кто с кем и как попало
по комнатам (толпа, смеясь, болтала),
я видел, как она за всеми шла,

verhalten, so wie eine, welche gleich
wird singen müssen und vor vielen Leuten;
auf ihren hellen Augen die sich freuten
war Licht von außen wie auf einem Teich.

Sie folgte langsam und sie brauchte lang
als wäre etwas noch nicht überstiegen;
und doch: als ob, nach einem Übergang,
sie nicht mehr gehen würde, sondern fliegen.

In einem fremden Park Borgeby-Gård

Zwei Wege sinds. Sie führen keinen hin.
Doch manchmal, in Gedanken, läßt der eine
dich weitergehn. Es ist, als gingst du fehl;
aber auf einmal bist du im Rondel
alleingelassen wieder mit dem Steine
und wieder auf ihm lesend: Freiherrin
Brite Sophie - und wieder mit dem Finger
abführend die zerfallne Jahreszahl —.
Warum wird dieses Finden nicht geringer?

Was zögerst du ganz wie zum ersten Mal
erwartungsvoll auf diesem Ulmenplatz,
der feucht und dunkel ist und niebetreten?

Und was verlockt dich für ein Gegensatz,
etwas zu suchen in den sonnigen Beeten,
als wärs der Name eines Rosenstocks?

Was stehst du oft? Was hören deine Ohren?
Und warum siehst du schließlich, wie verloren,
die Falter flimmern um den hohen Phlox.

Abschied

Wie hab ich das gefühlt was Abschied heißt.
Wie weiß ichs noch: ein dunkles unverwundnes
grausames Etwas, das ein Schönverbundnes
noch einmal zeigt und hinhält und zerreißt.

Wie war ich ohne Wehr, dem zuzuschauen,
das, da es mich, mich rufend, gehen ließ,
zurückblieb, so als wärens alle Frauen
und dennoch klein und weiß und nichts als dies:

Ein Winken, schon nicht mehr auf mich bezogen,
ein leise Weiterwinkendes —, schon kaum
erklärbar mehr: vielleicht ein Pflaumenbaum,
von dem ein Kuckuck hastig abgeflogen.

но напряженно — будто бы сейчас
и перед всеми предстояло петь ей,
и, как от глади водной на рассвете,
наружный свет отсвечивал от глаз.

Шла медленно, как бы боясь преград,
и все ж в сомнении: не перейти ль их?
Как будто бы, преодолев их ряд,
она вздохнет к полетит на крыльях.

В чужом парке Боргебю-горд

Здесь два пути, ведущих в никуда.
Но вот в мечтах блуждая, как по лесу.
идешь одним из них. И пред тобой
цветник знакомый с каменной плитой
и надписью знакомой: «Баронесса
Врите Софи» — и снова, как всегда,
ощупываешь стершиеся даты!
рождения и смерти на плите,
Как непомерна этих встреч оплата!

Что медлишь ты под вязом и темноте,
чего ты ждешь, как будто в первый раз
ступаешь на сырую эту землю?

Чем именно тебя привлек сейчас
цветник соседний — солнечный, — не тем ли,
что там не холод плит, а пламя роз?

Сюда навевываясь то и дело,
ты почему стоишь оторопело
и перед флоксом словно в землю врос?

Прощание

О как я в суть прощания проник!
Я помню, как в клубке неразрешенной
жестоккой тьмы на миг союз исконный
внезапной вспышкой предо мной возник.

И далью расстояния уменьшен,
неясный образ за моим окном
то окликал меня, как сонмы женщин,
то, провожая, помавал платком.

Но, может быть, весь этот трепет белый,
необъяснимый на мою беду,
был яблонным деревом в цвету,
с которого кукушка вдруг слетела.

Todes-Erfahrung

Wir wissen nichts von diesem Hingehn, das
nicht mit uns teilt. Wir haben keinen Grund,
Bewunderung und Liebe oder Haß
dem Tod zu zeigen, den ein Maskenmund

tragischer Klage wunderbarly entstellt.
Noch ist die Welt voll Rollen, die wir spielen.
Solange wir sorgen, ob wir auch gefielen,
spielt auch der Tod, obwohl er nicht gefällt.

Doch als du gingst, da brach in diese Bühne
ein Streifen Wirklichkeit durch jenen Spalt
durch den du hingingst: Grün wirklicher Grüne,
wirklicher Sonnenschein, wirklicher Wald.

Wir spielen weiter. Bang und schwer Erlerntes
hersagend und Gebärden dann und wann
aufhebend; aber dein von uns entferntes,
aus unserm Stück entrücktes Dasein kann

uns manchmal überkommen, wie ein Wissen
von jener Wirklichkeit sich niedersenkend,
so daß wir eine Weile hungerissen
das Leben spielen, nicht an Beifall denkend.

Blaue Hortensie

So wie das letzte Grün in Farbentiegeln
sind diese Blätter, trocken, stumpf und rau,
hinter den Blütendolden, die ein Blau
nicht auf sich tragen, nur von ferne spiegeln.

Sie spiegeln es verweint und ungenau,
als wollten sie es wiederum verlieren,
und wie in alten blauen Briefpapieren
ist Gelb in ihnen, Violett und Grau;

Verwaschnes wie an einer Kinderschürze,
Nichtmehrgetragnes, dem nichts mehr geschieht:
wie fühlt man eines kleinen Lebens Kürze.

Doch plötzlich scheint das Blau sich zu verneuen
in einer von den Dolden, und man sieht
ein rührend Blaues sich vor Grünem freuen.

Познание смерти

Мы ничего не знаем про уход
раз навсегда ушедших. И не нам
судить о смерти, забежав вперед,
приглядываясь к сдвинутым чертам

на маске трагедийного конца.
Пока мы здесь разыгрываем роли
в надежде славной лицедейской доли, —
играет смерть от своего лица.

Но ты ушла, и к нам одновременно
проник луч подлинности в ту же щель,
в которой ты исчезла с нашей сцены:
луч яви, нам неведомый досель.

А мы за славой гонимся упрямо,
мы упиваемся своей игрой...
Но вырвавшееся из нашей драмы
твое существование порой

нас будто тянет за собой из плена,
чтоб вдохновить нас подлинностью яви —
И в те минуты мы самозабвенно
играем жизнь, не думая о славе.

Голубая гортензия

Как слой сухой зеленой краски в тигле,
шершава и суха ее листва
за зонтиком цветов, чья синева
их не проникла — только к ним приникла,

как отражение, как пелена
рассеивающейся слезной влаги,
и, как в старинной голубой бумаге,
в них есть лиловость, серость, желтизна.

Как детский фартук спешенный, любимый,
застирана и выцвела она —
Как этой жизни краткость ощутима!

По вот голубизною обновленной
соцветий жизнь опять воскрешена,
и синь сияет пред листвой зеленой.

Vor dem Sommerregen

Auf einmal ist aus allem Grün im Park
man weiß nicht was, ein Etwas, fortgenommen;
man fühlt ihn näher an die Fenster kommen
und schweigsam sein. Inständig nur und stark

ertönt aus dem Gehölz der Regenpfeifer,
man denkt an einen Hieronymus:
so sehr steigt irgend Einsamkeit und Eifer
aus dieser einen Stimme, die der Guß

erhören wird. Des Saales Wände sind
mit ihren Bildern von uns fortgetreten,
als dürften sie nicht hören was wir sagen.

Es spiegeln die verblichenen Tapeten
das ungewisse Licht von Nachmittagen,
in denen man sich fürchtete als Kind.

Im Saal

Wie sind sie alle um uns, diese Herrn
in Kammerherrentrachten und Jabots,
wie eine Nacht um ihren Ordensstern
sich immer mehr verdunkelnd, rücksichtslos
und diese Damen, zart, fragile, doch groß
von ihren Kleidern, eine Hand im Schooß,
klein wie ein Halsband für den Bologneser:
wie sind sie da um jeden: um den Leser,
um den Betrachter dieser Bibelots,
darunter manches ihnen noch gehört.

Sie lassen, voller Takt, uns ungestört
das Leben leben wie wir es begreifen
und wie sie's nicht verstehn. Sie wollten blühen,
und blühen ist schön sein; doch wir wollen reifen,
und das heißt dunkel sein und sich bemühen.

Letzter Abend (Aus dem Besitze Frau Nonnas)

Und Nacht und fernes Fahren; denn der Train
des ganzen Heeres zog am Park vorüber.
Er aber hob den Blick vom Clavecin
und spielte noch und sah zu ihr hinüber

beinah wie man in einen Spiegel schaut:
so sehr erfüllt von seinen jungen Zügen
und wissend, wie sie seine Trauer trügen,
schön und verführender bei jedem Laut.

Перед дождем

Внезапно зелень парка, каждый лист,
утратив что-то, разом потускнели.
А он бесшумно подступает к цели,
он — у окна. В кустах раздался свист

зуйка, настойчивый и исступленный.
(Нам сразу вспомнился Иероним.)
Так одиночество и страсть с разгону
взмывают ввысь к потокам дождевым.

Старинные портреты на стенах
пред нами расступаются, как тени,
как будто мы мешаем болтовней им.

Свет сумерек в нечетком отраженьи
скользит по бледным, выцветшим обоям,
на нас, как в детстве, навеяв страх.

В зале

Вдруг выступили к нам из темноты,
все эти камергеры в орденах,
как ночь вокруг орденской своей звезды,
едва заметно блестящей впотьмах,
и эти дамы хрупкие в сетях
своих нарядов, в пышных кружевах,
с руками крошечными, как ошейник
болонки, возлежащей на коленях,
от нас не отступая ни на шаг,
теснятся возле каждого из нас.

А мы, их всех нисколько не боясь,
жизнь нашу строим так, как разумеем —
по-своему. Их цель была цвести,
иначе — хорошеть. Мы — только зреем,
зреть это значит исподволь расти.

Последний вечер (из собрания г-жи Нонна)

И ночь, и долгая езда. И за
оградой парка конные отряды.
А он от клавишей отвел глаза,
он, от нее не отрывая взгляда,

как в зеркало смотрел в ее черты
и узнавал себя на самом деле.
Они при каждом звуке хорошели,
но было в них предвестие беды.

Doch plötzlich wars, als ob sich das verwische:
sie stand wie mühsam in der Fensternische
und hielt des Herzens drängendes Geklopf.

Sein Spiel gab nach. Von draußen wehte Frische.
Und seltsam fremd stand auf dem Spiegeltische
der schwarze Tschako mit dem Totenkopf.

Jugend-Bildnis meines Vaters

Im Auge Traum. Die Stirn wie in Berührung
mit etwas Fernem. Um den Mund enorm
viel Jugend, ungelächelte Verführung,
und vor der vollen schmückenden Verschnürung
der schlanken adeligen Uniform
der Säbelkorb und beide Hände —, die
abwarten, ruhig, zu nichts hingedrängt.
Und nun fast nicht mehr sichtbar: als ob sie
zuerst, die Fernes greifenden, verschwänden.
Und alles andre mit sich selbst verhängt
und ausgelöscht als ob wirs nicht verstanden
und tief aus seiner eignen Tiefe trüb —.

Du schnell vergehendes Daguerreotyp
in meinen langsamer vergehenden Händen.

Selbstbildnis aus dem Jahre 1906

Des alten lange adligen Geschlechtes
Feststehendes im Augenbogenbau.
Im Blicke noch der Kindheit Angst und Blau
und Demut da und dort, nicht eines Knechtes
doch eines Dienenden und einer Frau.
Der Mund als Mund gemacht, groß und genau,
nicht überredend, aber ein Gerechtes
Aussagendes. Die Stirne ohne Schlechtes
und gern im Schatten stiller Niederschau.

Das, als Zusammenhang, erst nur geahnt;
noch nie im Leiden oder im Gelingen
zusammgefaßt zu dauerndem Durchdringen,
doch so, als wäre mit zerstreuten Dingen
von fern ein Ernstes, Wirkliches geplant.

Der König

Der König ist sechzehn Jahre alt.
Sechzehn Jahre und schon der Staat.
Er schaut, wie aus einem Hinterhalt,
vorbei an den Greisen vom Rat

in den Saal hinein und irgendwohin
und fühlt vielleicht nur dies:

И вдруг — как будто стерлась вся картина.
Она стояла, прислонясь к намину,
удерживая сердца стук рукой.

Свежело. Смолкли звуки клавесина.
И странен на столе в углу гостиной
был черный кивер с мертвой головой.

Юношеский портрет отца

В глазах мечта. На чистом лбу — пространства
далекого дыханье. Возле рта —
соблазна юношеского упрямство,
и вся фигура в шитое убранство
дворянской стройной формы заперта.
На сабельном эфесе кисти рук
в спокойном выжиданьи улеглись.
И вот — как будто их не стало вдруг,
как будто их пространство поглотило.
И разом очертанья расплылись,
и мы угадываем их насилию,
и взгляд к изображению прилип...

О, истлевающий дагерротип
в руках, чье время тлеть не наступило.

Автопортрет 1906 года

Дворянства древнего сквозь поколения
печать в надбровье и разрезе глаз.
Во взгляде детский страх еще подчас
покорностью синеет, но без тени
холопства, — женской верностью светясь.
И рот, как рот, — большой и без прикрас,
и точный в передаче воплощенья
правдивости. И лоб его под сенью
безмолвных теней прячется, склонясь.

Но все это не связано пока:
удачи и страданья не срастила
в живую крепь связующая сила,
но так созданье подлинности было
в веках задумано издалека.

Король

В шестнадцать лет он воссел на трон.
Государит в шестнадцать лет.
Сидит, как в засаде, и смотрит он
рассеянно на совет

старейшин и дальше куда-то в зал.
Его душа холодна,

an dem schmalen langen harten Kinn
die kalte Kette vom Vlies.

Das Todesurteil vor ihm bleibt
lang ohne Namenszug.
Und sie denken: wie er sich quält.

Sie wüßten, kennten sie ihn genug,
daß er nur langsam bis siebzig zählt
eh er es unterschreibt.

Auferstehung

Der Graf vernimmt die Töne,
er sieht einen lichten Riß;
er weckt seine dreizehn Söhne
im Erb-Begräbnis.

Er grüßt seine beiden Frauen
ehrerbietig von weit —;
und alle, voll Vertrauen,
stehn auf zur Ewigkeit

und warten nur noch auf Erich
und Ulriken Dorotheen,
die, sieben- und dreizehnjährig,
(sechzehnhundertzehn)
verstorben sind im Flandern,
um heute vor den andern
unbeirrt herzugehen.

Der Fahnenträger

Die Andern fühlen alles an sich rauh
und ohne Anteil: Eisen, Zeug und Leder.
Zwar manchmal schmeichelt eine weiche Feder,
doch sehr allein und lieb-los ist ein jeder;
er aber trägt — als trüg er eine Frau —
die Fahne in dem feierlichen Kleide.

Dicht hinter ihm geht ihre schwere Seide,
die manchmal über seine Hände fließt.
Er kann allein, wenn er die Augen schließt,
ein Lächeln sehn: er darf sie nicht verlassen. —

Und wenn es kommt in blitzenden Kürassen
und nach ihr greift und ringt und will sie fassen —:

dann darf er sie abreißen von dem Stocke
als riß er sie aus ihrem Mädchentum,
um sie zu halten unterm Waffenrocke.

Und für die Andern ist das Mut und Ruhm.

как шею обвивший холодный металл
тяжелой цепи Руна.

А смертный приговор судьи
королевской подписи ждет.
Всем так жалко его сейчас!

О знал бы только этот народ,
что он считает, не торопясь,
до семидесяти.

Воскресение

Граф снова видит солнце.
Он слышит трубный глас.
И отряхнули сон свой
тринадцать пар глаз

сыновних. А там, у двери,
обе стоят жены.
И все (в глазах доверье)
к вечности воскрешены.

И ждут семьею всею
появления в их ряду
Эриха и Доротеи,
в шестьсот десятом году
умерших во Фландрии, чтобы
сегодня детьми из гроба
восстать у всех на виду.

Знаменосец

Другие чувствуют лишь боль в костях,
железа тяжесть и шершавость ткани,
пускай чарует взгляд пера мельканье,
но каждый одинок до одичанья,
а он несет возлюбленный свой стяг,
как женщину в торжественном наряде.

Тяжелый шелк за ним ступает сзади,
порой вздымая волны, как река.
Он видит въявь, зажмурившись слегка,
улыбку, сберегаемую свято.

Когда же засверкают вражьи латы,
чтоб вырвать в схватке стяг из рук солдата,

как бы лишив родительской опеки,
сорвав с древка, он даст ему приют
на сердце, чтобы сохранить навеки.

Другие это славой назовут.

Der letzte Graf von Brederode
entzieht sich türkischer
Gefangenschaft

Sie folgten furchtbar; ihren bunten Tod
von ferne nach ihm werfend, während er
verloren floh, nichts weiter als: bedroht.
Die Ferne seiner Väter schien nicht mehr

für ihn zu gelten; denn um so zu fliehn,
genügt ein Tier vor Jägern. Bis der Fluß
aufrauschte nah und blitzend. Ein Entschluß
hob ihn samt seiner Not und machte ihn

wieder zum Knaben fürstlichen Geblütes.
Ein Lächeln adeliger Frauen goß
noch einmal Süßigkeit in sein verfrühtes

vollendetes Gesicht. Er zwang sein Roß,
groß wie sein Herz zu gehn, sein blutdurchglühtes;
es trug ihn in den Strom wie in sein Schloß.

Die Kurtisane

Venedigs Sonne wird in meinem Haar
ein Gold bereiten: aller Alchemie
erlauchten Ausgang. Meine Brauen, die
den Brücken gleichen, siehst du sie

hinführen ob der lautlosen Gefahr
der Augen, die ein heimlicher Verkehr
an die Kanäle schließt, so daß das Meer
in ihnen steigt und fällt und wechselt. Wer

mich einmal sah, beneidet meinen Hund,
weil sich auf ihm oft in zerstreuter Pause
die Hand, die nie an keiner Glut verkohlt,

die unverwundbare, geschmückt, erholt -.
Und Knaben, Hoffnungen aus altem Hause,
gehn wie an Gift an meinem Mund zugrund.

Die Treppe der Orangerie
Versailles

Wie Könige die schließlich nur noch schreiten
fast ohne Ziel, nur um von Zeit zu Zeit
sich den Verneigenden auf beiden Seiten
zu zeigen in des Mantels Einsamkeit —:

О том, как последний из графов
фон Бредероде избежал
турецкого плена

Гнались жестоко и издалека,
пеструю смерть ему швыряли вслед.
Он лишь спасался бегством от врага.
Ему казалось, что сошла на нет

тьнь праотцев его. Ведь точно так
охотник травит зверя. Шум воды
привлек его вниманье. Из беды
в мгновенье ока найден выход. Шаг

достойный отпрыска дворянской крови.
Улыбка женственная придала
его чертам законченным медовье

блаженство. Всадник чуть привстал с седла,
и конь пошел с величьем сердца вровень.
Река, как дом родной, их приняла.

Куртизанка

Венецианским солнцем сотворен
блеск золотых волос моих. Они —
алхимии венец. Мостам сродни
разлет моих бровей — взгляни,

как над глазами вздыбленный прогон
уводит прочь от пропасти глазной
с бушующей на дне морской волной,
доставленной каналами. Любой,

меня встречавший, завистью объят
к псу, на котором в ласковом бессилье
моя неуязвимая рука

покоится и треплет шерсть слегка.
Юнцов — надежду княжеских фамилий
мои уста сражают, словно яд.

Лестница оранжереи
Версаль

Как некогда король, ступая вчуже,
себя являл без приближенных лиц,
уединившись в мантии полукружьи,
по обе стороны склоненным ниц,

so steigt, allein zwischen den Balustraden,
die sich verneigen schon seit Anbeginn,
die Treppe: langsam und von Gottes Gnaden
und auf den Himmel zu und nirgends hin;

als ob sie allen Folgenden befahl
zurückzubleiben, — so daß sie nicht wagen
von ferne nachzugehen; nicht einmal
die schwere Schleppe durfte einer tragen.

Der Marmor-Karren Paris

Auf Pferde, sieben ziehende, verteilt,
verwandelt Niebewegtes sich in Schritte;
denn was hochmütig in des Marmors Mitte
an Alter, Widerstand und All verweilt,

das zeigt sich unter Menschen. Siehe, nicht
unkennlich, unter irgend einem Namen,
nein: wie der Held das Drängen in den Dramen
erst sichtbar macht und plötzlich unterbricht:

so kommt es durch den stauenden Verlauf
des Tages, kommt in seinem ganzen Staate,
als ob ein großer Triumphator nahte

langsam zuletzt; und langsam vor ihm her
Gefangene, von seiner Schwere schwer.
Und naht noch immer und hält alles auf.

Buddha

Schon von ferne fühlt der fremde scheue
Pilger, wie es golden von ihm träuft;
so als hätten Reiche voller Reue
ihre Heimlichkeiten aufgehäuft.

Aber näher kommend wird er irre
vor der Hoheit dieser Augenbraun:
denn das sind nicht ihre Trinkgeschirre
und die Ohrgehänge ihrer Fraun.

Wüßte einer denn zu sagen, welche
Dinge eingeschmolzen wurden, um
dieses Bild auf diesem Blumenkelche

aufzurichten: stummer, ruhiggelber
als ein goldenes und rundherum
auch den Raum berührend wie sich selber.

так лестница восходит от подножья
меж искони склоненных балюстрад,
и одиноко милостию Божьей
она вступает в небо наугад,

как будто ею выставленный страж
другим отрезал путь — вне ореола
застыла где-то свита. Даже паж
поднять не смеет шлейф тяжелый с пола.

Перевоз мрамора Париж

Семь лошадей перемещают воз,
словам сопротивленью постепенно:
ведь все высокомерие вселенной,
что в глубь этой глыбы улеглось,

теперь явилось людям. Посмотри:
не скрытно, не в безвестности упрямой,
нет — как герой нам проясняет драму,
клубок страстей распутав изнутри,

так этот мрамор медленно плывет
сквозь толпы, запрудившие столицу,
как будто триумфатор в колеснице

приблизился и пленные пред ним
едва бредут по улицам чужим...
Приблизился и задержал народ.

Будда

Робкий странник ощутит за милю
золотое марево вдали.
Словно тайных кладов изобилье
богачи, раскаявшись, свезли.

Но вблизи его захватит чудо
всем разгоном вздыбленных бровей:
ибо то — не кубки, не сосуды
и не серьги жен и дочерей.

Если бы кто знал, какие вещи
надо было переплавить, чтоб
из цветочной чаши образ вещей

мог возникнуть — тихий и без чванства,
золоту присущего, — взхлеб
подставляющий себя пространству.

Römische Fontäne
Borghese

Zwei Becken, eins das andre übersteigend
aus einem alten runden Marmorrand,
und aus dem oberen Wasser leis sich neigend
zum Wasser, welches unten wartend stand,

dem leise redenden entgegenschweigend
und heimlich, gleichsam in der hohlen Hand,
ihm Himmel hinter Grün und Dunkel zeigend
wie einen unbekanntem Gegenstand;

sich selber ruhig in der schönen Schale
verbreitend ohne Heimweh, Kreis aus Kreis,
nur manchmal träumerisch und tropfenweis

sich niederlassend an den Moosbehängen
zum letzten Spiegel, der sein Becken leis
von unten lächeln macht mit Übergängen.

Das Karussell
Jardin du Luxembourg

Mit einem Dach und seinem Schatten dreht
sich eine kleine Weile der Bestand
von bunten Pferden, alle aus dem Land,
das lange zögert, eh es untergeht.
Zwar manche sind an Wagen angespannt,
doch alle haben Mut in ihren Mienen;
ein böser roter Löwe geht mit ihnen
und dann und wann ein weißer Elefant.

Sogar ein Hirsch ist da, ganz wie im Wald,
nur daß er einen Sattel trägt und drüber
ein kleines blaues Mädchen aufgeschnallt.

Und auf dem Löwen reitet weiß ein Junge
und hält sich mit der kleinen heißen Hand,
dieweil der Löwe Zähne zeigt und Zunge.

Und dann und wann ein weißer Elefant.

Und auf den Pferden kommen sie vorüber,
auch Mädchen, helle, diesem Pferdesprunge
fast schon entwachsen; mitten in dem Schwunge
schauen sie auf, irgendwohin, herüber —

Und dann und wann ein weißer Elefant.

Und das geht hin und eilt sich, daß es endet,
und kreist und dreht sich nur und hat kein Ziel.
Ein Rot, ein Grün, ein Grau vorbeigesendet,

Римские фонтаны
Боргезе

Две чаши, обогнав одна другую,
над мраморным бассейном вознеслись,
и с верхней разговорчивые струи
к воде безмолвной протянулись вниз, —

к той, что внимает им, в ответ даруя
в горсти для них припрятанный сюрприз:
кусочек неба, сквозь листву густую
и тьму глядящий, как из-за кулис.

Сама спокойно разместившись в чаше,
она легла с краями наравне,
спускаясь каплями, как бы во сне,

по мшистой бахrome седобородой
к зеркальной глади, что на самом дне
улыбкой оживляют переходы.

Карусель
Люксембургский сад

Под крышей за калиткой взаперти
кружатся то и дело табуны
лошадок пестрых, родом из страны,
что долго медлит прежде, чем зайти.
Хоть многие в повозку впряжены, —
отвага их под стать горящим взглядам.
Свирепый красный лев ступает рядом
и слон невероятной белизны.

А вот олень — взаправдашний почти, —
но с голубою девочкой, ремнями
к седлу пристегнутою, лет пяти.

Верхом на льва взобрался мальчик белый,
его глаза волнения полны,
а лев оскалил зубы до предела.

И слон невероятной белизны.

И скачут бесконечными рядами...
Но девочкам взрослеющим чего-то
здесь не хватает, и в разгар полета
они в мечтах парят за облаками.

И слон невероятной белизны.

Но все к концу несется неуклонно,
хоть крутится бесцельно допоздна.
Вот красный цвет пронесся, вот зеленый,

ein kleines kaum begonnenes Profil — .
Und manchmal ein Lächeln, hergewendet,
ein seliges, das blendet und verschwendet
an dieses atemlose blinde Spiel...

Spanische Tänzerin

Wie in der Hand ein Schwefelzündholz, weiß,
eh es zur Flamme kommt, nach allen Seiten
zuckende Zungen streckt -: beginnt im Kreis
naher Beschauer hastig, hell und heiß
ihr runder Tanz sich zuckend auszubreiten.

Und plötzlich ist er Flamme, ganz und gar.
Mit einem: Blick entzündet sie ihr Haar
und dreht auf einmal mit gewagter Kunst
ihr ganzes Kleid in diese Feuersbrunst,
aus welcher sich, wie Schlangen die erschrecken,
die nackten Arme wach und klappernd strecken.

Und dann: als würde ihr das Feuer knapp,
nimmt sie es ganz zusamm und wirft es ab
sehr herrisch, mit hochmütiger Gebärde
und schaut: da liegt es rasend auf der Erde
und flammt noch immer und ergiebt sich nicht — .
Doch sieghaft, sicher und mit einem süßen
grüßenden Lächeln hebt sie ihr Gesicht
und stampft es aus mit kleinen festen Füßen.

Der Turm Tour St.-Nicolas, Furnes

Erd-Inneres. Als wäre dort, wohin
du blindlings steigst, erst Erdoberfläche,
zu der du steigst im schrägen Bett der Bäche,
die langsam aus dem suchenden Gerinn

der Dunkelheit entsprungen sind, durch die
sich dein Gesicht, wie auferstehend, drängt
und die du plötzlich siehst, als fiele sie
aus diesem Abgrund, der dich überhängt
und den du, wie er riesig über dir
sich umstürzt in dem dämmernden Gestühle,
erkennst, erschreckt und fürchtend, im Gefühle:
o wenn er steigt, behangen wie ein Stier — :

Da aber nimmt dich aus der engen Endung
windiges Licht. Fast fliegend siehst du hier
die Himmel wieder, Blendung über Blendung,
und dort die Tiefen, wach und voll Verwendung,

und kleine Tage wie bei Patenier,
gleichzeitige, mit Stunde neben Stunde,

и к профилю объемность сведена...
А иногда улыбкой восхищенной,
блаженной и слепящей, и влюбленной
игра слепая вдруг озарена.

Испанская танцовщица

Как спичка, чиркнув, через миг-другой
выбрасывает языками пламя,
так, вспыхнув, начинает танец свой
она, в кольцо зажатая толпой,
в кружится все ярче и упрямей.

И вот — вся пламя — с головы до пят.
Воспламенившись, волосы горят,
и жертвою в рискованной игре
она сжигает платье на костре,
в котором изгибаются, как змеи,
трепещущие руки, пламеняя.

И вдруг она, зажав огонь в горстях,
его о землю разбивает в прах
высокомерно, плавно, величаво.
А пламя в бешенстве перед расправой
ползет и не сдается, и грозит...
Но точно, и отточенно, и четко,
чеканя каждый жест, она разит
огонь своей отчетливой чечеткой.

Башня Башня Сен-Николя, Фюрн

Глубь подземелья. Словно там, куда
ты выкарабкиваешься вслепую
по круче вдоль ручья напропалую,
поверхность замерцала, как вода,

утекшая из тьмы, в которой ты
брел наугад, покуда не воскрес
твой взгляд, не различавший темноты.
Прозрев, ты видишь над собой навес
кромешной тьмы, грозящий каждый миг
обрушиться всей тяжестью громады.
От страха ты с него не сводишь взгляда.
О, этот мрак, увешанный, как бык!

Но вот тебя спасает из стремнины
ветреный свет. И пред тобой возник
простор небес, слепящий и пустынный,
а где-то — жаждущие дел глубины

и дни, что лаконичны, как язык
картины Патенира, на которой,

durch die die Brücken springen wie die Hunde,
dem hellen Wege immer auf der Spur,

den unbeholfne Häuser manchmal nur
verbergen, bis er ganz im Hintergrunde
beruhigt geht durch Buschwerk und Natur.

Der Platz
Furnes

Willkürlich von Gewesnem ausgeweitet:
von Wut und Aufruhr, von dem Kunterbunt
das die Verurteilten zu Tod begleitet,
von Buden, von der Jahrmarktsrufer Mund,
und von dem Herzog der vorüberreitet
und von dem Hochmut von Burgund,

(auf allen Seiten Hintergrund):
ladet der Platz zum Einzug seiner Weite
die fernen Fenster unaufhörlich ein,
während sich das Gefolge und Geleite
der Leere langsam an den Handelsreihn

verteilt und ordnet. In die Giebel steigend,
wollen die kleinen Häuser alles sehn,
die Türme vor einander scheu verschweigend,
die immer maßlos hinter ihnen stehn.

Quai du Rosaire
Brügge

Die Gassen haben einen sachten Gang
(wie manchmal Menschen gehen im Genesen
nachdenkend: was ist früher hier gewesen?)
und die an Plätze kommen, warten lang
auf eine andre, die mit einem Schritt
über das abendklare Wasser tritt,
darin, je mehr sich rings die Dinge mildern,
die eingehängte Welt von Spiegelbildern
so wirklich wird wie diese Dinge nie.

Verging nicht diese Stadt? Nun siehst du, wie
(nach einem unbegreiflichen Gesetz)
sie wach und deutlich wird im Umgestellten,
als wäre dort das Leben nicht so selten;
dort hängen jetzt die Gärten groß und gelten,
dort dreht sich plötzlich hinter schnell erhellten
Fenstern der Tanz in den Estaminets.

Und oben blieb? — Die Stille nur, ich glaube,
und kostet langsam und von nichts gedrängt
Beere um Beere aus der süßen Traube
des Glockenspiels, das in den Himmeln hängt.

сорвавшись с места, словно гончих свора,
бегут мосты за светлую тропой.

Ей удастся спрятаться порой,
прижавшись к дому, саду и забору
и обрести в кустарниках покой.

Площадь
Фюрн

Раздвинутая пестрым произволом
насыщенных событиями времен —
то ярмарочным празднеством веселым,
то бунтами, колеблющими трон,
то герцога геройским ореолом,
то казнью, ублажающей закон

(все это смотрится, как фон), —
она пытается втянуть границы,
и это не под силу ей одной,
а все кругом с торговым рядом слиться
спешит или укрыться за стеной.

Мечтают сверху обозреть округу
дома, подтягиваясь к чердакам,
застенчиво скрывая друг от друга
причастность к башням, взмывшим к небесам.

Quai du Rosaire
Брюгге

У здешних улиц осторожный шаг
(вот так, постель покинувши впервые,
порой бредут, задумавшись больные...),
их манит площадей родной очаг
и нагоняет — иль уже нагнал? —
мост, перепрыгнувший через канал,
свободный от игры вечерних теней,
в котором мир повисших отражений
действительней самих вещей в сто крат.

И город кончился... Но вот твой взгляд,
удостоверясь в подлинности чар,
увидел в опрокинутости этой
его черты живые и приметы:
там сад повис, цветами разодетый,
там в окнах ресторанов до рассвета
кружится вихрь залитых светом пар.

А наверху — там тишина бездонна,
там пьет она по каплям сладкий сок
из колокольной грозди перезвона,
украшившей небесный потолок.

Béguinage
Béguinage Sainte-Elisabeth,
Brügge

I

Das hohe Tor scheint keine einzuhalten,
die Brücke geht gleich gerne hin und her,
und doch sind sicher alle in dem alten
offenen Ulmenhof und gehn nicht mehr
aus ihren Häusern, als auf jenem Streifen
zur Kirche hin, um besser zu begreifen
warum in ihnen so viel Liebe war.

Dort knieen sie, verdeckt mit reinem Leinen,
so gleich, als wäre nur das Bild der einen
tausendmal im Choral, der tief und klar
zu Spiegeln wird an den verteilten Pfeilern;
und ihre Stimmen gehn den immer steilern
Gesang hinan und werfen sich von dort,
wo es nicht weitergeht, vom letzten Wort,
den Engeln zu, die sie nicht wiedergeben.

Drum sind die unten, wenn sie sich erheben
und wenden, still. Drum reichen sie sich schweigend
mit einem Neigen, Zeigende zu zeigend
Empfangenden, geweihtes Wasser, das
die Stirnen kühl macht und die Munde blaß.

Und gehen dann, verhangen und verhalten,
auf jenem Streifen wieder überquer -
die Jungen ruhig, ungewiß die Alten
und eine Greisin, weilend, hinterher -
zu ihren Häusern, die sie schnell verschweigen
und die sich durch die Ulmen hin von Zeit
zu Zeit ein wenig reine Einsamkeit,
in einer kleinen Scheibe schimmernd, zeigen.

II

Was aber spiegelt mit den tausend Scheiben
das Kirchenfenster in den Hof hinein,
darin sich Schweigen, Schein und Widerschein
vermischen, trinken, trüben, übertreiben,
phantastisch alternd wie ein alter Wein.

Dort legt sich, keiner weiß von welcher Seite,
Außen auf Inneres und Ewigkeit
auf Immer-Hingehn, Weite über Weite,
erblindend, finster, unbenutzt, verbleit.

Béguinage
Монастырь бегинок
Сент-Элизабет, Брюгге

I

Высокие врата не на запоре,
и мост свободно ходит взад-вперед,
и все ж от древних вязов, от подворья
никто из них надолго не уйдет.
Одна тропа им хорошо знакома —
путь к церкви, объясняющий любому,
откуда в них такой любви накал.

Там и стоят коленопреклоненно,
как образ, многократно повторенный,
как унисон, возведенный в хорал,
зеркальными пилястрами разъятый
на голоса, что взмыли вверх по скату
крутого песнопенья от словес
в объятья ангелов в тылу небес,
которые их не вернут обратно.

И потому так тихи в час закатный
те, что внизу. И потому безмолвно
передают друг другу полубовно,
крестясь, святую воду, чтобы та
хладила лбы и блеклые уста.

И возвращаются все так же робко
и сдержанно, и скрытно чередой,
и медленно бредут все той же тропкой
и юные и старые домой.
А дом — он скрыт за кронами густыми
все тех же вязов древних и нет-нет
да выберет в густой листве просвет,
чтоб замерцать в нем окнами своими.

II

Но что отбрасывает в завершенье
в церковный двор церковное окно,
где перемешаны давным-давно
молчанье, отсветы и отраженья,
старая, словно старое вино?

Наружное тяжелое убранство
прикрыло сущность вечности собой.
Текучесть далее и полет пространства
придавлены свинцовостью слепой.

Dort bleibt, unter dem schwankenden Dekor
des Sommertags, das Graue alter Winter:
als stünde regungslos ein sanftgesinnter
langmütig lange Wartender dahinter
und eine weinend Wartende davor.

Die Marien-Prozession
Gent

Aus allen Türmen stürzt sich, Fluß um Fluß,
hinwallendes Metall in solchen Massen
als sollte drunten in der Form der Gassen
ein blanker Tag erstehn aus Bronzeguß,

an dessen Rand, gehämmert und erhaben,
zu sehen ist der buntgebundne Zug
der leichten Mädchen und der neuen Knaben,
und wie er Wellen schlug und trieb und trug,
hinabgehalten von dem ungewissen
Gewicht der Fahnen und von Hindernissen
gehemmt, unsichtbar wie die Hand des Herrn;

und drüben plötzlich beinah mitgerissen
vom Aufstieg aufgeschuchter Räucherbecken,
die fliegend, alle sieben, wie im Schrecken
an ihren Silberketten zernn.

Die Böschung Schauender umschließt die Schiene,
in der das alles stockt und rauscht und rollt:
das Kommende, das Chryselephantine,
aus dem sich zu Balkonen Baldachine
aufbäumen, schwankend im Behang von Gold.

Und sie erkennen über all dem Weißen,
getragen und im spanischen Gewand,
das alte Standbild mit dem kleinen heißen
Gesichte und dem Kinde auf der Hand
und knieen hin, je mehr es naht und naht,
in seiner Krone ahnungslos veraltend
und immer noch das Segnen hölzern haltend
aus dem sich groß gebärdenden Brokat.

Da aber wie es an den Hingeknieten
vorüberkommt, die scheu von unten schau,
da scheint es seinen Trägern zu gebieten
mit einem Hochziehn seiner Augenbraun,
hochmütig, ungehalten und bestimmt:
so daß sie staunen, stehn und überlegen
und schließlich zögernd gehn. Sie aber nimmt,

in sich die Schritte dieses ganzen Stromes
und geht, allein, wie auf erkannten Wegen
dem Glockendonnern des großoffnen Domes
auf hundert Schultern frauenhaft entgegn.

Но остается серость старых зим
за лета декорацией непрочной,
как будто ждут с душою непорочной:
он — с тихой терпеливостью бессрочной,
она — в слезах стоящая за ним.

Праздник Марии
Гент

С верхушек башен хлынувший металл
наполнил город сплавом раскаленным,
и, заливая формы улиц звоном,
день бронзовой отливкой заблистал.

По мостовой неровною толпою
процессия детей плывет с утра,
и ног не ощущая под собою,
вперед волнами катит детвора,
но сдерживается, как в бездорожье,
невидимыми, как десница Божья.
преградами и тяжестью знамен.

А дальше — там уже парит, похоже,
кадилам вслед, что вспутнутою стаей
серебряные цепи рвут, взлетая
от ужаса под небосклон.

Вдоль этой вытянувшейся лавины
стоит народ у края мостовой.
Предвестниками хризэлефантины
к балконам устремились балдахины,
сверкая золочений бахромой.

Но вот в своем испанском одеянии
над головами всплыло вдалеке
знакомое мадонны изваянье
старинное с младенцем на руке.
По мере продвижения вперед
в короне трогательно устаревшей
она благословляет присмиривший
коленопреклонившийся народ,

И подойдя к упавшим на колени,
что робким взглядом следуют за ней,
она повелевает быть движенью
подпятием рисованных бровей —
тверда, высокомерна, холодна.
Носильщики поражены жестоко
и все ж идут, помешкав. А она

на сотнях плеч — уверенно и прямо, —
в себя вобрав шаги всею потока,
к колоколам распахнутого храма
идет, как шла, — одна и одинока.

Die Insel
Nordsee

I

Die nächste Flut verwischt den Weg im Watt,
und alles wird auf allen Seiten gleich;
die kleine Insel draußen aber hat
die Augen zu; verwirrend kreist der Deich

um ihre Wohner, die in einen Schlaf
geboren werden, drin sie viele Welten
verwechseln, schweigend; denn sie reden selten,
und jeder Satz ist wie ein Epitaph

für etwas Angeschwemmtes, Unbekanntes,
das unerklärt zu ihnen kommt und bleibt.
Und so ist alles was ihr Blick beschreibt

von Kindheit an: nicht auf sie Angewandtes,
zu Großes, Rücksichtsloses, Hergesandtes,
das ihre Einsamkeit noch übertreibt.

II

Als läge er in einem Krater-Kreise
auf einem Mond: ist jeder Hof umdämmt,
und drin die Gärten sind auf gleiche Weise
gekleidet und wie Waisen gleich gekämmt

von jenem Sturm, der sie so rauh erzieht
und tagelang sie bange macht mit Toden.
Dann sitzt man in den Häusern drin und sieht
in schiefen Spiegeln was auf den Kommoden

Seltsames steht. Und einer von den Söhnen
tritt abends vor die Tür und zieht ein Tönen
aus der Harmonika wie Weinen weich;

so hörte ers in einem fremden Hafen —
Und draußen formt sich eines von den Schafen
ganz groß, fast drohend, auf dem Außendeich.

III

Nah ist nur Innres; alles andre fern.
Und dieses Innere gedrängt und täglich
mit allem überfüllt und ganz unsäglich.
Die Insel ist wie ein zu kleiner Stern

welchen der Raum nicht merkt und stumm zerstört
in seinem unbewußten Furchtbarsein,

Остров
Северное море

I

Прилив опять затопит все пути,
размоет отмели со всех сторон,
но остров одинокий впереди
не размыкает глаз. Врожденный сон

за дамбой спрятанных островитян
рисует им миров разнообразье...
Здесь редко говорят, и каждой фразе
характер эпитафии придан,

которая посвящена чему-то,
что на берег занесено волной,
что с детства видит житель островной,

не примиряясь с ним ни на минуту,
что чуждо, беспощадно, пресловуто,
и ранит одиночество тоской.

II

Здесь обвалован каждый двор, как будто
он в лунный кратер спрятан от воды.
Безлико, словно сироты приюта,
одеты и подстрижены сады

той бурей, что внушает смертный страх,
неделями не уходя на отдых.
А после все сидят в своих домах,
рассматривая вещи на комодах

диковинные в зеркало кривое...
И чей-то сын, не находя покоя,
играет на гармонике в тоске

унывную мелодию чужую...
За дамбою грозит сквозь тьму ночную
овцы огромный контур вдалеке.

III

Все близкое — внутри. Снаружи — даль.
Однако давку в этой тесной яме
нутра никак не выразить словами.
А этот остров в море — не звезда ль

пространством позабытая, хотя
она на гибель им обречена?

so daß er, unerhell't und überhört,
allein

damit dies alles doch ein Ende nehme
dunkel auf einer selbsterfundnen Bahn
versucht zu gehen, blindlings, nicht im Plan
der Wandelsterne, Sonnen und Systeme.

Hetären-Gräber

In ihren langen Haaren liegen sie
mit braunen, tief in sich gegangenen Gesichtern.
Die Augen zu wie vor zu vieler Ferne.
Skelette, Munde, Blumen. In den Munden
die glatten Zähne wie ein Reise-Schachspiel
aus Elfenbein in Reihen aufgestellt.
Und Blumen, gelbe Perlen, schlanke Knochen,
Hände und Hemden, welkende Gewebe
über dem eingestürzten Herzen. Aber
dort unter jenen Ringen, Talismanen
und augenblauen Steinen (Lieblings-Angedenken)
steht noch die stille Krypta des Geschlechtes,
bis an die Wölbung voll mit Blumenblättern.
Und wieder gelbe Perlen, weitverrollte, —
Schalen gebrannten Tones, deren Bug
ihr eignes Bild geziert hat, grüne Scherben
von Salben-Vasen, die wie Blumen duften,
und Formen kleiner Götter: Hausaltäre,
Hetärenhimmel mit entzückten Göttern.
Gesprengte Gürtel, flache Skarabäen,
kleine Figuren riesigen Geschlechtes,
ein Mund der lacht und Tanzende und Läufer,
goldene Fibeln, kleinen Bogen ähnlich
zur Jagd auf Tier- und Vogelamulette,
und lange Nadeln, zieres Hausgeräte
und eine runde Scherbe roten Grundes,
darauf, wie eines Eingangs schwarze Aufschrift,
die straffen Beine eines Viergespannes.
Und wieder Blumen, Perlen, die verrollt sind,
die hellen Lenden einer kleinen Leier,
und zwischen Schleiern, die gleich Nebeln fallen,
wie ausgekrochen aus des Schuhs Puppe:
des Fußgelenkes leichter Schmetterling.

So liegen sie mit Dingen angefüllt,
kostbaren Dingen, Steinen, Spielzeug, Hausrat,
zerschlagnem Tand (was alles in sie abfiel),
und dunkeln wie der Grund von einem Fluß.

Flußbetten waren sie,
darüber hin in kurzen schnellen Wellen
(die weiter wollten zu dem nächsten Leben)
die Leiber vieler Jünglinge sich stürzten
und in denen der Männer Ströme rauschten.

С предписанного им пути сойдя,
она

сама торопится концу навстречу,
орбиту выбрав на свой риск и страх.
И вот вслепую, напрямик, впотьмах
идет — от солнц и от планет далече.

Могилы гетер

Длинноволосые, они лежат
без лиц, в себя ушедших глубоко.
Глаза закрыты тяжестью пространства...
Скелеты, рты, цветы. И в этих ртах
ряды зубов сияют, словно пешки
дорожных шахмат из слоновой кости.
Цветы и кости тонкие, и жемчуг,
рубашек ткань увядшая, и руки
над сердцем рухнувшим. Еще, однако,
под множеством колец и талисманов,
и голубых камней (даров любовных)
стоит, как склеп, тайник безмолвный пола,
под самый свод набитый лепестками.
И вновь — рассыпавшийся желтый жемчуг
и чаши глиняные, на которых
доподлинные их изображения,
зеленые осколки ваз для мазей,
цветами пахнущие, и фигурки
богов в домашнем тесном алтаре.
Разорванные пояса и геммы,
изображения огромной плоти,
смеющиеся рты, танцоры, пряжки
из золота, похожие на луки,
звериные и птичьи амулеты,
а также иглы длинные и утварь,
и круглый черепок из красной глины,
на нем — как надпись черная над входом —
коней четверка, рвущаяся вдаль.
И вновь цветы, рассыпавшийся жемчуг,
и стройной лиры мягкие изгибы,
и вдруг мелькнул в тумане покрывала,
из куколки башмачной появившись,
изящной щиколотки мотылек.

Так и лежат, набитые вещами, —
игрушками, камнями, мишурой,
разбитой вдребезги — всем, чем угодно,
темнея медленно, как дно реки.

Они и были руслом...
В их волны быстротечные свергались
(спешившие к последующей жизни)
тела влюбленных юношей не раз
и бушевали в них мужей потоки.

Und manchmal brachen Knaben aus den Bergen
der Kindheit, kamen zagen Falles nieder
und spielten mit den Dingen auf dem Grunde,
bis das Gefälle ihr Gefühl ergriff:

Dann füllten sie mit flachem klaren Wasser
die ganze Breite dieses breiten Weges
und trieben Wirbel an den tiefen Stellen;
und spiegelten zum ersten Mal die Ufer
und ferne Vogelrufe -, während hoch
die Sternennächte eines süßen Landes
in Himmel wuchsen, die sich nirgends schlossen.

Orpheus. Eurydike. Hermes

Das war der Seelen wunderliches Bergwerk.
Wie stille Silbererze gingen sie
als Adern durch sein Dunkel. Zwischen Wurzeln
entsprang das Blut, das fortgeht zu den Menschen,
und schwer wie Porphyrt sah es aus im Dunkel.
Sonst war nichts Rotes.

Felsen waren da
und wesenlose Wälder. Brücken über Leeres
und jener große graue blinde Teich,
der über seinem fernen Grunde hing
wie Regenhimmel über einer Landschaft.
Und zwischen Wiesen, sanft und voller Langmut,
erschien des einen Weges blasser Streifen,
wie eine lange Bleiche hingelegt.

Und dieses einen Weges kamen sie.
Voran der schlanke Mann im blauen Mantel,
der stumm und ungeduldig vor sich aussah.
Ohne zu kauen fraß sein Schritt den Weg
in großen Bissen; seine Hände hingen
schwer und verschlossen aus dem Fall der Falten
und wußten nicht mehr von der leichten Leier,
die in die Linke eingewachsen war
wie Rosenranken in den Ast des Ölbaums.
Und seine Sinne waren wie entzweit:
indes der Blick ihm wie ein Hund vorauslief,
umkehrte, kam und immer wieder weit
und wartend an der nächsten Wendung stand, —
blieb sein Gehör wie ein Geruch zurück.
Manchmal erschien es ihm als reichte es
bis an das Gehen jener beiden andern,
die folgen sollten diesen ganzen Aufstieg.
Dann wieder wars nur seines Steigens Nachklang
und seines Mantels Wind was hinter ihm war.
Er aber sagte sich, sie kämen doch;
sagte es laut und hörte sich verhallen.
Sie kämen doch, nur wärens zwei

А иногда со скал высоких детства
к ним скатывались мальчики на дно,
и здесь играли весело вещами,
пока их не сбивала с ног стремнина.

Тогда, заполнив плоской и прозрачной
водой всю ширь широкого пути,
они взвивали в нем водовороты
и берега впервые отражали
и птичьи клики — но врезалась ночь
тем временем звездами в небосвод,
его раскалывая пополам.

Орфей. Эвридика. Гермес

То были душ причудливые копи...
Рудой серебряною шли они —
прожилками сквозь тьму. Между корнями
ключом забила кровь навстречу людям
и тьма нависла тяжестью порфира.
Все остальное было черным сплошь.

Здесь были скалы,
и призрачные рощи, и мосты над бездной,
и тот слепой огромный серый пруд,
что над своим далеким дном повис,
как ливневое небо над землею.
А меж лугов застенчиво мерцала
полоской бледной узкая тропа.

И этою тропкою шли они.
Нетерпелив был стройный тихий муж,
в накидке синей шедший впереди.
Его шаги глотали, не жуя,
куски тропы огромные, а руки,
как гири, висли под каскадом складок,
не помня ничего о легкой лире,
что с левою его рукой срослась,
как с розою ползучей ветвь оливы.
Он в чувствах ощущал своих разлад;
как пес, он взглядом забежал вперед
и возвращался, чтоб умчаться снова
и ждать у поворота вдалеке, —
но слух его, как запах, отставал.
Порой ему казалось, что вот-вот
он слухом прикоснется к тем двоим,
что вслед за ним взбираются по скату.
И все же это было только эхом
его шагов и дуновеньем ветра.
Он громко убеждал себя: «Идут!»
Но слышал только собственный свой голос.
Они идут, конечно. Только оба

die furchtbar leise gingen. Dürfte er sich einmal wenden (wäre das Zurückschaun nicht die Zersetzung dieses ganzen Werkes, das erst vollbracht wird), müßte er sie sehen, die beiden Leisen, die ihm schweigend nachgehn:

Den Gott des Ganges und der weiten Botschaft, die Reisehaube über hellen Augen, den schlanken Stab hertragend vor dem Leibe und flügelschlagend an den Fußgelenken; und seiner linken Hand gegeben: sie.

Die So-geliebte, daß aus einer Leier mehr Klage kam als je aus Klagefrauen; daß eine Welt aus Klage ward, in der alles noch einmal da war: Wald und Tal und Weg und Ortschaft, Feld und Fluß und Tier; und daß um diese Klage-Welt, ganz so wie um die andre Erde, eine Sonne und ein gestirnter stiller Himmel ging, ein Klage-Himmel mit entstellten Sternen —: Diese So-geliebte.
Sie aber ging an jenes Gottes Hand, den Schrittbeschränkt von langen Leichenbändern, unsicher, sanft und ohne Ungeduld.
Sie war in sich, wie Eine hoher Hoffnung, und dachte nicht des Mannes, der voranging, und nicht des Weges, der ins Leben aufstieg.
Sie war in sich. Und ihr Gestorbensein erfüllte sie wie Fülle.
Wie eine Frucht von Süßigkeit und Dunkel, so war sie voll von ihrem großen Tode, der also neu war, daß sie nichts begriff.

Sie war in einem neuen Mädchentum und unberührbar; ihr Geschlecht war zu wie eine junge Blume gegen Abend, und ihre Hände waren der Vermählung so sehr entwöhnt, daß selbst des leichten Gottes unendlich leise, leitende Berührung sie kränkte wie zu sehr Vertraulichkeit.

Sie war schon nicht mehr diese blonde Frau, die in des Dichters Liedern manchmal anklang, nicht mehr des breiten Bettes Duft und Eiland und jenes Mannes Eigentum nicht mehr.

Sie war schon aufgelöst wie langes Haar und hingegeben wie gefallner Regen und ausgeteilt wie hundertfacher Vorrat. Sie war schon Wurzel.

Und als plötzlich jäh der Gott sie anhielt und mit Schmerz im Ausruf

идут ужасно медленно. О если б он обернуться мог — (но ведь оглядка была бы равносильна разрушению свершающегося), — он увидал бы, что оба тихо следуют за ним:

он — бог походов и посланий дальних с дорожным шлемом над открытым взглядом, с жезлом в руке, слегка к бедру прижатой, и хлопающими у ног крылами. Его другой руке дана — она.

Она — любимая столь, что из лиры одной шел плач всех плакальщиц на свете, что создан был из плача целый мир, в котором было все — луга и лес, поля и звери, реки и пути, все было в этом мире плача — даже ходило солнце вкруг него, как наше, и небо с искаженными звездами. Она — любимая столь...
И шла она, ведомая тем богом, о длинный саван часто спотыкаясь, шла терпеливо, кротко и неровно, как будущая мать в себя уставясь, не думая о впереди шагавшем и о дороге, восходящей к жизни. Она ушла в себя, где смерть, как плод, ее переполняла.
Как плод, что полон сладостью и тьмою, она была полна великой смертью, ей чуждой столь своею новизной.

В ней девственность как будто возродилась и прежний страх. Был пол ее закрыт, как закрываются цветы под вечер, а руки так забыли обручанье. что даже бога легкого касанье — едва заметное прикосновение — ей, словно вольность, причиняло боль.

Она теперь была уже не той, что у певца светло звенела в песнях, не ароматным островком на ложе, не собственностью мужа своего, —

но, распутившись золотом волос, она запасы жизни расточила и отдалась земле, как падший дождь. И превратилась в корень.

И когда внезапно бог ее остановил

die Worte sprach: Er hat sich umgewendet —,
begriff sie nichts und sagte leise: Wer?

Fern aber, dunkel vor dem klaren Ausgang,
stand irgend jemand, dessen Angesicht
nicht zu erkennen war. Er stand und sah,
wie auf dem Streifen eines Wiesenpfades
mit trauervollem Blick der Gott der Botschaft
sich schweigend wandte, der Gestalt zu folgen,
die schon zurückging dieses selben Weges,
den Schritt beschränkt von langen Leichenbändern,
unsicher, sanft und ohne Ungeduld.

Alkestis

Da plötzlich war der Bote unter ihnen,
hineingeworfen in das Überkochen
des Hochzeitsmahles wie ein neuer Zusatz.
Sie fühlten nicht, die Trinkenden, des Gottes

heimlichen Eintritt, welcher seine Gottheit
so an sich hielt wie einen nassen Mantel
und ihrer einer schien, der oder jener,
wie er so durchging. Aber plötzlich sah
mitten im Sprechen einer von den Gästen
den jungen Hausherrn oben an dem Tische
wie in die Höh gerissen, nicht mehr liegend,
und überall und mit dem ganzen Wesen
ein Fremdes spiegelnd, das ihn furchtbar ansprach.
Und gleich darauf, als klärte sich die Mischung,
war Stille; nur mit einem Satz am Boden
von trübem Lärm und einem Niederschlag
fallenden Lallens, schon verdorben riechend
nach dumpfem umgestandenen Gelächter.
Und da erkannten sie den schlanken Gott,
und wie er dastand, innerlich voll Sendung
und unerbittlich, — wußten sie es beinah.
Und doch, als es gesagt war, war es mehr
als alles Wissen, gar nicht zu begreifen.
Admet muß sterben. Wann? In dieser Stunde.

Der aber brach die Schale seines Schreckens
in Stücken ab und streckte seine Hände
heraus aus ihr, um mit dem Gott zu handeln
Um Jahre, um ein einzig Jahr noch Jugend,
um Monate, um Wochen, um paar Tage,
ach, Tage nicht, um Nächte, nur um Eine,
um Eine Nacht, um diese nur: um die.
Der Gott verneinte, und da schrie er auf
und schrie's hinaus und hielt es nicht und schrie
wie seine Mutter aufschrie beim Gebären.
Und die trat zu ihm, eine alte Frau,
und auch der Vater kam, der alte Vater,
und beide standen, alt, veraltet, ratlos,

и с горечью сказал: «Он обернулся!»,
она спросила вчуже тихо: «Кто?»

А впереди у выхода наружу
темнел на фоне светлого пятна
неразличимый кто-то. Он стоял
и видел, как на узенькой тропе
застыл с печальным ликом бог походов,
как молча повернулся он, чтоб снова
последовать за той, что шла назад,
о длинный саван часто спотыкаясь,
шла — терпеливо, кротно и неровно...

Алkestида

Вдруг очутился вестник между ними.
Он брошен был, как новая приправа
в уже перекипавший брачный пир.
Но бражники шагов неслышных бога

не чувствовали. Божество свое
он осторожно нес, как плащ
промокший,
и, может быть, кому-то из гостей
помстилось что-то. Вдруг один из них
увидел на другом конце стола
хозяина уже не возлежащим,
но вздыбленным от ужаса, который
всю суть его внезапно изменил.
Но вскоре тишина настала вновь,
как будто весь на дно ушел осадок
глухого, неразборчивого шума...
И все же ошутим был скверный запах
несвежего, испорченного смеха.
И тут был всеми узнан стройный бог,
он всем казался вылитой вестью
неумолимой — и каждый понял...
И все ж им сказанное прозвучало
так непонятно, как ничто на свете.
Адмет умрет. Когда? В течение часа.

А тот об стену ужаса стал биться,
ее разламывая на куски,
и руки к богу протянул для торга,
вымаливая годы или год.
нет — месяцы, недели, дни, ах, нет! —
не дни, а только ночи, ночь одну,
одну-единственную: эту ночь.
Бог отказал ему, и он вскричал,
он закричал, не сдерживая крика,
как мать кричала при его рождении.
И подошла она к нему, старуха,
и подошел к нему старик-отец —
два старика, растерянных и старых.

beim Schreienden, der plötzlich, wie noch nie
so nah, sie ansah, abbrach, schluckte, sagte:
Vater,
liegt dir denn viel daran an diesem Rest,
an diesem Satz, der dich beim Schlingen hindert?
Geh, gieß ihn weg. Und du, du alte Frau,
Matrone,
was tust du denn noch hier: du hast geboren.
Und beide hielt er sie wie Opfertiere
in Einem Griff. Auf einmal ließ er los
und stieß die Alten fort, voll Einfall, strahlend
und atemholend, rufend: Kreon, Kreon!
Und nichts als das; und nichts als diesen Namen.
Aber in seinem Antlitz stand das Andere,
das er nicht sagte, namenlos erwartend,
wie ers dem jungen Freunde, dem Geliebten,
erglühend hinhielt übern wirren Tisch.
Die Alten (stand da), siehst du, sind kein Loskauf,
sie sind verbraucht und schlecht und beinah wertlos,
du aber, du, in deiner ganzen Schönheit —

Da aber sah er seinen Freund nicht mehr.
Er blieb zurück, und das, was kam, war sie,
ein wenig kleiner fast als er sie kannte
und leicht und traurig in dem bleichen Brautkleid.
Die andern alle sind nur ihre Gasse,
durch die sie kommt und kommt —
(gleich wird sie da sein
in seinen Armen, die sich schmerzhaft auftun).

Doch wie er wartet, spricht sie; nicht zu ihm.
Sie spricht zum Gotte, und der Gott vernimmt sie,
und alle hörens gleichsam erst im Gotte:

Ersatz kann keiner für ihn sein. Ich bins.
Ich bin Ersatz. Denn keiner ist zu Ende
wie ich es bin. Was bleibt mir denn von dem
was ich hier war? Das ists ja, daß ich sterbe.
Hat sie dirs nicht gesagt, da sie dirs auftrug,
daß jenes Lager, das da drinnen wartet,
zur Unterwelt gehört? Ich nahm ja Abschied.
Abschied über Abschied.
Kein Sterbender nimmt mehr davon. Ich ging ja,
damit das Alles, unter Dem begraben
der jetzt mein Gatte ist, zergeht, sich auflöst —.
So führ mich hin: ich sterbe ja für ihn.

Und wie der Wind auf hoher See, der umspringt,
so trat der Gott fast wie zu einer Toten
und war auf einmal weit von ihrem Gatten,
dem er, versteckt in einem kleinen Zeichen,
die hundert Leben dieser Erde zuwarf.
Der stürzte taumelnd zu den beiden hin
und griff nach ihnen wie im Traum. Sie gingen
schon auf den Eingang zu, in dem die Frauen

А он впервые их так близко видел
и вдруг прервал свой крик и произнес:
отец,
неужто дорог так тебе остаток,
осадок этот, что не лезет в горло.
Ты выплесни его! А ты, старуха,
матрона,
ты что торчишь здесь: ты ведь родила.
Он их держал, как жертвенных животных,
одною хваткой. Но потом, внезапно,
их оттолкнул, какой-то новой мыслью
весь просветлев, и прокричал: «Креон!»
И больше ничего: лишь это имя.
Но лик его был высвечен другим —
не высказанным вслух и безымянным —
протянутым, как лампа, над столом
возлюбленному другу своему:
«Ты видишь, эти старики — не выкуп,
они — изношены, стары, никчемны.
Но ты, но ты — во всей своей красе...»

И тут он потерял из виду друга, —
тот вдруг исчез, но шла к нему — она.
(Она ему казалась меньше ростом
и грустной в легком подвенечном платье.)
Все остальные — улица, которой
она идет, идет (вот-вот подхватит
ее он непослушными руками...)

Он ждет... И вдруг она заговорила
не с ним, однако, — с Богом. Бог ей внял.
И речь ее услышал каждый в Боге:

«Никто ему не может быть заменой.
Лишь я одна. Никто на целом свете
так не кончался. Что возьму с собой
от прежнего? Но в этом — смерти смысл.
Неужто от нее ты не узнал,
когда за мной пошел, о нашем ложе,
о том, что и оно — из царства смерти?
Но я прощаюсь.
Я все беру с собой. Ведь я ушла,
чтоб все, что похоронено под тем,
кто мне супруг, распалось, растворилось...
Веди ж меня! Я за него умру!»

Как ветер вдруг меняет направление,
так Бог к ней подошел почти как к мертвой,
и как-то разом стал далек от мужа,
которому он незаметным знаком
к ногам подкинул сотню здешних жизней.
А тот, шатнувшись, кинулся к обоим,
к ним руки простирая, как во сне.
Они шли к выходу, в котором, плача,

verweint sich drängten. Aber einmal sah er noch des Mädchens Antlitz, das sich wandte mit einem Lächeln, hell wie eine Hoffnung, die beinah ein Versprechen war: erwachsen zurückzukommen aus dem tiefen Tode zu ihm, dem Lebenden —

Da schlug er jäh die Hände vors Gesicht, wie er so kniete, um nichts zu sehen mehr nach diesem Lächeln.

Geburt der Venus

An diesem Morgen nach der Nacht, die bang vergangen war mit Rufen, Unruh, Aufruhr, — brach alles Meer noch einmal auf und schrie. Und als der Schrei sich langsam wieder schloß und von der Himmel blassem Tag und Anfang herabfiel in der stummen Fische Abgrund —: gebar das Meer.

Von erster Sonne schimmerte der Haarschaum der weiten Wogenscham, an deren Rand das Mädchen aufstand, weiß, verwirrt und feucht. So wie ein junges grünes Blatt sich rührt, sich reckt und Eingerolltes langsam aufschlägt, entfaltete ihr Leib sich in die Kühle hinein und in den unberührten Frühwind.

Wie Monde stiegen klar die Kniee auf und tauchten in der Schenkel Wolkenränder; der Waden schmaler Schatten wich zurück, die Füße spannten sich und wurden licht, und die Gelenke lebten wie die Kehlen von Trinkenden.

Und in dem Kelch des Beckens lag der Leib wie eine junge Frucht in eines Kindes Hand. In seines Nabels engem Becher war das ganze Dunkel dieses hellen Lebens. Darunter hob sich licht die kleine Welle und floß beständig über nach den Lenden, wo dann und wann ein stilles Rieseln war. Durchschienen aber und noch ohne Schatten, wie ein Bestand von Birken im April, warm, leer und unverborgen, lag die Scham.

Jetzt stand der Schultern rege Waage schon im Gleichgewichte auf dem graden Körper, der aus dem Becken wie ein Springbrunn aufstieg und zögernd in den langen Armen abfiel und rascher in dem vollen Fall des Haars.

теснились женщины. И все же он еще раз увидал ее лицо, светлевшее улыбкою надежды и больше — обещанием вернуться к нему из царства смерти, повзрослев. К нему, живому...

Он стоял, глаза прикрыв руками, на коленях, чтоб с той улыбкой быть наедине.

Рождение Венеры

В то утро после всех ночных тревог и криков, и волнения, и страхов, — еще раз вскрылось море, закричав. Когда же этот крик сомкнулся вновь и бледный день, и робкое начало упали с неба, озарив пучину, — родило море.

На первом солнце замерцала пена срамных волос и среди них восстала сконфуженная, белая — она. Как тянется зеленый юный листик и, разворачиваясь, вырастает, так распрямлялось в утренней прохладе неторопливо молодое тело.

Как две луны взошли — ее колени, за облаками бедер тут же скрывшись; и отступили тени стройных икр, и напряглись прозрачные стопы, и ожили суставы, как гортани у пьющих.

И в чаше таза так лежало тело, как на ладони детской свежий плод. И этой светлой жизни тьма до капли вместились в рюмку узкую пупка. Под ним вздымалась легкая волна. Она все время скатывалась к чреслам, где временами слышалось журчанье. Но весь без теней, весь насквозь просвечен, как лес березовый апрельским утром, был пуст и тепел, и нескрытен срам.

И вот уже весы живые плеч уравновесил стан ее прямой, что подымался, как фонтан, из таза и медленно руками ниспадал, и быстро — пышной россыпью волос.

Dann ging sehr langsam das Gesicht vorbei:
aus dem verkürzten Dunkel seiner Neigung
in klares, waagrechtes Erhobensein.
Und hinter ihm verschloß sich steil das Kinn.

Jetzt, da der Hals gestreckt war wie ein Strahl
und wie ein Blumenstiel, darin der Saft steigt,
streckten sich auch die Arme aus wie Hälse
von Schwänen, wenn sie nach dem Ufer suchen.

Dann kam in dieses Leibes dunkle Frühe
wie Morgenwind der erste Atemzug.
Im zartesten Geäst der Aderbäume
entstand ein Flüstern, und das Blut begann
zu rauschen über seinen tiefen Stellen.
Und dieser Wind wuchs an: nun warf er sich
mit allem Atem in die neuen Brüste
und füllte sie und drückte sich in sie, —
daß sie wie Segel, von der Ferne voll,
das leichte Mädchen nach dem Strande drängten.
So landete die Göttin.

Hinter ihr,
die rasch dahinschritt durch die jungen Ufer,
erhoben sich den ganzen Vormittag
die Blumen und die Halme, warm, verwirrt,
wie aus Umarmung. Und sie ging und lief.

Am Mittag aber, in der schwersten Stunde,
hob sich das Meer noch einmal auf und warf
einen Delphin an jene selbe Stelle.
Tot, rot und offen.

Die Rosenschale

Zornige sahst du flackern, sahst zwei Knaben
zu einem Etwas sich zusammenballen,
das Haß war und sich auf der Erde wälzte
wie ein von Bienen überfallnes Tier;
Schauspieler, aufgetürmte Übertreiber,
rasende Pferde, die zusammenbrachen,
den Blick wegwerfend, bläkend das Gebiß
als schälte sich der Schädel aus dem Maule.

Nun aber weißt du, wie sich das vergißt:
denn vor dir steht die volle Rosenschale,
die unvergeßlich ist und angefüllt
mit jenem Äußersten von Sein und Neigen,
Hinhalten, Niemals-Gebenkönnen, Dastehn,
das unser sein mag: Äußerstes auch uns.

Lautloses Leben, Aufgehn ohne Ende,
Raum-brauchen ohne Raum von jenem Raum

И очень медленно прошло лицо:
из сокращенной тьмы его наклона
к приподнятости равномерно-светлой.
За ним крутой смыкался подбородок.

Теперь, когда лучом прямилась шея,
как стебель, наполняющийся соком, —
вытягивались руки, словно шеи
от берега отставших лебедей.

Но после в предрассветный сумрак тела
ворвался свежим ветром первый воздух.
И в нежных разветвлениях артерий
возник какой-то шепот — это кровь,
шумя, в свой путь отправилась по венам.
А ветер нарастал и всем дыханьем
на новые набрасывался груди
и наполнял их, и вжимался в них, —
и вот уже, как вздутый далью парус,
ее на землю вынесли они.
Так на берег сошла богиня.

За нею,
по молодому берегу взбежавшей,
в течение утра выпрямлялись в рост
цветы и травы, словно из объятий
освободившись. А она бежала.

В обед, однако, в самый тяжкий час
еще раз море вздыбилось, на берег —
на то же место — выбросив дельфина.
Он мертвый был, весь красный и раскрытый.

Чаша роз

Помнишь, клубком ершистым, ошетинаясь,
два мальчика, дыша друг в друга злобой,
в пыли в пылу сраженья покатались,
как зверь, подвергшийся атаке пчел?
Помнишь вралей бесстыдных, лицедеев,
взбесившихся коней, упавших с хрипом,
с стеклянным взглядом и с таким оскалом,
как будто кожа с черепа сползает?

Теперь ты знаешь, как забыть все это, —
теперь перед тобою чаша роз.
Ее нельзя забыть, она полна
предельным бытием, почти исходом,
боязнью, невозможностью отдачи...
Все, как у нас... О, да! Предельно нашим!

Жизнь в тишине, цветенья бесконечность,
потребность в шире — но не в том пространстве,

zu nehmen, den die Dinge rings verringern,
fast nicht Umrissen-sein wie Ausgespartes
und lauter Inneres, viel seltsam Zartes
und Sich-bescheinendes — bis an den Rand:
ist irgend etwas uns bekannt wie dies?

Und dann wie dies: daß ein Gefühl entsteht,
weil Blütenblätter Blütenblätter rühren?
Und dies: daß eins sich aufschlägt wie ein Lid,
und drunter liegen lauter Augenlider,
geschlossene, als ob sie, zehnfach schlafend,
zu dämpfen hätten eines Innern Sehkraft.
Und dies vor allem: daß durch diese Blätter
das Licht hindurch muß. Aus den tausend Himmeln
filtern sie langsam jenen Tropfen Dunkel,
in dessen Feuerschein das wirre Bündel
der Staubgefäße sich erregt und aufbäumt.

Und die Bewegung in den Rosen, sieh:
Gebärden von so kleinem Ausschlagswinkel,
daß sie unsichtbar blieben, liefen ihre
Strahlen nicht auseinander in das Weltall.

Sieh jene weiße, die sich selig aufschlug
und dasteht in den großen offenen Blättern
wie eine Venus aufrecht in der Muschel;
und die errötende, die wie verwirrt
nach einer kühlen sich hinüberwendet,
und wie die kühle fühllos sich zurückzieht,
und wie die kalte steht, in sich gehüllt,
unter den offenen, die alles abtun.
Und was sie abtun, wie das leicht und schwer,
wie es ein Mantel, eine Last, ein Flügel
und eine Maske sein kann, je nach dem,
und wie sie's abtun: wie vor dem Geliebten.

Was können sie nicht sein: war jene gelbe,
die hohl und offen daliegt, nicht die Schale
von einer Frucht, darin dasselbe Gelb,
gesammelter, orangeröter, Saft war?
Und wars für diese schon zu viel, das Aufgehn,
weil an der Luft ihr namenloses Rosa
den bitteren Nachgeschmack des Lila annahm?
Und die batistene, ist sie kein Kleid,
in dem noch zart und atemwarm das Hemd steckt,
mit dem zugleich es abgeworfen wurde
im Morgenschatten an dem alten Waldbad?
Und diese hier, opalnes Porzellan,
zerbrechlich, eine flache Chinatasse
und angefüllt mit kleinen hellen Faltern, —
und jene da, die nichts enthält als sich.

Und sind nicht alle so, nur sich enthaltend,
wenn Sich-enthalten heißt: die Welt da draußen

которое так притесняют вещи;
почти сама бесконтурность пробела,
наполненная светом до предела;
сплошная сердцевина, нежность, хрупкость...
Что нам знакомей этого всего?

Или того, что возникает чувство
от соприкосновенья лепестков,
что лепесток откроется, как веко,
и вот уже под ним сплошные веки,
и все закрыты, словно крепко спят,
чтоб внутреннее зренья приглушить?..
Или того, что эти лепестки
пронзает свет? Из тысячи небес
они ту каплю отцедили тьмы, —
в которой отражается пучок
тычинок, встрепанных и возбужденных.

Но ты взгляни на этот трепет в розах!
Движений этих не было бы видно,
когда б лучи из тесного угла
не разбежались все по мирозданию!

Ты видишь белую, ту, что стоит
в огромных и раскрытых лепестках,
как в раковине стройная Венера?
И ту, краснеющую, что смущенно
к своей соседке было потянулась,
а та ее прохладой обдаёт
и, вся в себя закутавшись, уходит?
Зато как остальные все раскрылись!
Смотри, они всё сбросили с себя!
Но что же именно? Всё, что угодно —
плащ или маску, может быть, — крыло.
Но как! Как платье пред своим любимым!

Всё, что угодно... Посмотри на ту —
на желтую, раскрытую, пустую.
Не правда ли, она, как кожа
плода, в котором та же желтизна
была оранжевым и вязким соком?
А этой, розовой, цвести невмочь:
от воздуха приобретает привкус
лиловой горечи ее краса.
А вот — батистовая, словно платье,
согретое дыханием рубашки,
с которой вместе сброшено оно
у озера лесного и в рассвете.
А эта, как опаловый фарфор,
китайской чашки тоньше и прозрачней...
В ней бабочек уселся целый рой, —

а та наполнена одной собой.
Но ведь собой полны и все другие:
собой быть полным — значит мир вокруг;

und Wind und Regen und Geduld des Frühlings
und Schuld und Unruh und vermurmeltes Schicksal
und Dunkelheit der abendlichen Erde
bis auf der Wolken Wandel, Flucht und Anflug,
bis auf den vagen Einfluß ferner Sterne
in eine Hand voll Innres zu verwandeln.

Nun liegt es sorglos in den offenen Rosen.

и дождь, и ветер, и весны терпенье,
вину и беспокойство, и судьбу
закутанной во тьму земли вечерней
до облаков, приплывших и уплывших,
и до мерцания далеких звезд, —
все это сделать собственной судьбою.

Она лежит в раскрытых этих розах.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

М. Рудницкий

ПРИМЕР БЕСКОРЫСТНОГО СЛУЖЕНИЯ

Заметки о Константине Богатыреве

А мог бы жизнь просвистать скворцом,
Заесть ореховым пирогом...
Да, видно, нельзя никак.

О. Мандельштам

25 лет назад, солнечным июньским днем 1976 года, на Переделкинском кладбище при большом стечении народа был похоронен Константин Петрович Богатырев — выдающийся поэт-переводчик и светлой души человек. О его гибели — на закате солнечного апрельского дня он был до смерти избит в подъезде собственного дома, после чего еще более полутора месяцев мучительно умирал в больничной палате — с ужасом говорила тогда вся Москва. Задубелый иммунитет к каждодневным заказным убийствам в людях тогда еще не выработался, еще живы были и священник отец Александр Мень, и будущий репортер, а тогда еще ребенок Дима Холодов, и будущий политик, а тогда еще молодой ученый Галина Старовойтова. Мысль о том, что человека, если он кому-то мешает, можно запросто «заказать», и убийство его раскрыто не будет, а убийцы останутся на свободе, живыми и безнаказанными, в ту пору еще не овладела массовым сознанием на уровне бытовой привычки. Зато о вездесущем всеилии КГБ знал каждый, и безусловность этого знания в сочетании с тем, как вяло пытались раскрыть это убийство органы, именуемые у нас правоохранительными, порождала в умах только одну версию случившегося. Еще бы — ведь гражданин Богатырев Константин Петрович, 1925 г. рожд., ранее судимый и приговоренный к расстрелу по политической статье, впоследствии, правда, реабилитированный, по выходе из заключения общался с кем попало, например, с небезызвестными Пастернаком и Ахматовой, с диссидентами Копелевым и Войновичем, с клеветавшими на нашу страну западногерманскими писателями Генрихом Бёллем и Хансом Вернером Рихтером, ходил без согласования с компетентными органами на приемы в иностранные посольства и в гости к зарубежным дипломатам, давал интервью буржуазным журналистам, вел переписку с эмигрантами Романом Якобсоном и Глебом Струве, печатался в зарубежной и даже эмигрантской прессе, а кроме того вообще говорил и писал что думает, переводил кого хочет и ни от каких советских учреждений зависеть не желал. Поскольку органы, именуемые у нас правоохранительными, и поныне не раскрыли зверского преступления, жертвой которого пал Константин Богатырев, ставшую общепринятой версию его гибели и по сей день трудно опровергнуть. В наши дни за независимое расследование подобных преступлений берутся хотя бы журналисты. Тогда же об обстоятельствах гибели известного переводчика, члена Союза писателей не осмелилась сообщить ни одна советская газета.

Сейчас, когда я уже на четыре года его старше, мне почему-то труднее называть его Костей, как без колебаний и проблем, с чуть снисходительной, но искренней любовью обращались к нему все сколько-нибудь коротко его знавшие — в том числе и я, тогда еще мальчишка-студент, «по жизни» на двадцать лет его моложе. Он сам одним махом перечеркнул эту разницу в возрасте и связанные с ней условности, поняв, что я действительно интересуюсь творчеством Рильке — боготворимого и претворяемого им на русский язык поэта. Но что был мой интерес по сравнению с его увлеченностью! Я тогда еще не знал, что можно так работать — радостно, весело, с азартом, отдавая предмету своих занятий едва ли не каждую секунду своего сознательного существования. Он действительно в своей работе жил — самоуглубленно, сосредоточенно окунаясь в какие-то запредельные глубины языка — двух языков! — и внезапно из этих глубин выныривая, чтобы проверить на слушателе очередную свою находку — бывало, одну новую строчку, иногда строфу, реже — целое стихотворение. Всякого, кто способен был оценить результаты его трудов, особенно в сопоставлении с оригиналом, Костя брал в соучастники своей работы, с жадностью ждал откровенных отзывов, а не просто вежливых комплиментов, на замечания — хотя принимал он их нечасто — не обижался никогда. Зато, переделав строчку, которую признавал неудачной, звонил по телефону и ликовал: «Вот видите! Вот видите!», — и была в этом почти мальчишеском возгласе щедрая радость истинного — прощу простить за банальность — художника слова, который знает, что в языке,

этой несметной сокровищнице, есть все, а ему вот только что, вместе с вами, посчастливилось найти искомое, и нет в этом никакой особой его заслуги, точно так же мог найти и любой другой, да и нашел он, получалось, вроде как не совсем сам, а с вашей помощью — ну как если бы вы вместе шли по лесу и он на секунду раньше вас набрел на шикарный подосиновик.

Да, в нем было очень много мальчишеского, даже инфантильного, потому, наверно, его все так запросто и звали Костей, не особенно задумываясь ни о том, откуда в нем это мальчишество и какая ему на самом деле выпала жизнь, ни о том, какое дело взвалил он на свои сутулые, хрупкие плечи. Врожденная скромность не позволяла ему говорить о себе, о своей работе и тем паче о своем прошлом с пафосом — разве что с усмешкой, с иронией. Между тем даже сквозь эти шуточные «проговорки» — и сквозь борозды морщин на бледном, изможденном, хотя вообще-то не старом лице, а еще по тому, как ходуном ходили руки, как по-стариковски дрожали пальцы, когда он вынимал из машинки лист с новым переводом, — было ясно, что жизнь у него за спиной (впрочем, к сожалению, не только у него, у многих, слишком многих порядочных людей его поколения) — страшная и героическая. В восемнадцать лет он пошел защищать отечество, остался в действующей армии и после войны, а по возвращении, уже с третьего курса университета, за легкомысленную болтовню в студенческой компании отечество отблагодарило своего защитника пожизненным лагерным сроком (да и то это было помилование после нескольких месяцев ожидания расстрела). Выйдя на волю в 1956-м, он закончил университет, но служить никуда не пошел, избрав нелегкий и совсем не хлебный удел профессионального литератора, переводчика поэзии. Выбор этот, в своем роде тоже героический, был, по-моему, обусловлен тем, что Костя, по существу родившись заново, уже ни на йоту не хотел поступиться новообретенной свободой. Думаю, именно здесь исток и его ликующей, мальчишеской готовности радоваться жизни, и спокойного внутреннего бесстрашия, с которым он в те печальной памяти застойные годы не признавал в разговорах запретных тем и вообще не желал жить с вечно пугливой, униженной оглядкой на органы, на всеобщий перед ними страх. Мне, во всяком случае, он запомнился поразительно смелым человеком.

Смелость, целеустремленность дерзания присуща и его переводам. Константин Богатырев принадлежал к новому поколению поэтов-переводчиков, пришедших в нашу литературу в начале 60-х на волне оттепели и принесших с собой иное, гораздо более ответственное, чем прежде, отношение к своему ремеслу, необычайно высоко поднявших планку предъявляемых к себе творческих требований, — поколению, представленному, среди прочих, именами А. Гелескула, В. Микушевича, А. Сергеева, А. Эпшеля. За пятнадцать лет, что ему было отпущено на полноценную творческую работу, Константин Богатырев успел сделать очень много, дав русский голос столь разным поэтам, как Адельберт Шамиссо и Георг Тракль, Эрих Кестнер и Бертольт Брехт, Ингеборг Бахман и Пауль Целан. Кропотливейших филологических разысканий потребовали от него средневековый роман «Тристан» Готфрида Страсбургского и малая проза Гёте. Более чем достойно дополняют этот послужной список знаменитый антифашистский роман Клауса Манна «Мефисто», драмы Фридриха Хеббеля, комедии Фриша и Дюрренматта. Полагаю, однако, он успел бы сделать — причем сделать, разумеется, вполне добротной и профессионально, как это и было ему свойственно, — и многое другое, не отдавая он большую часть души, львиную долю времени и трудов главному делу своей жизни — переводам Рильке. Причем масштабы этого его творческого свершения и по сей день не оценены по заслугам.

Благословенный на этот подвиг самим Пастернаком, Богатырев начал переводить Рильке в ту пору, когда во всех библиотеках черным непрошибаемым строем еще красовалась «Малая советская энциклопедия», в одном из томов которой Рильке без обиняков характеризовался как поэт декадентский и даже «фашиствующий». Перспективы публикации были ничтожны, интерес издательств — нулевой, переводческая традиция, робко и не слишком плодотворно заложенная в начале века, в послереволюционные десятилетия почти напрочь заглохла или ушла в эмиграцию, где прозябала в безвестности. Четыре знаменитых перевода Пастернака, к тому времени еще не все опубликованные, Богатырев, конечно, знал, но опереться на такой опыт, а тем более тягаться с ним трудно — по нему, как по солнцу, разве что ориентироваться можно.

Русского Рильке надо было для начала просто расслышать, а какой сложности эта задача, какими досадными промахами она чревата, можно, к сожалению, убедиться на примере очень искушенной петербургской переводчицы Тамары Сильман — в 1965 году она выпустила сборник Рильке в своих переводах, в котором удачных работ оказалось до обидного мало. И дело тут не в нехватке таланта, а в неточности слуха: стремясь передать удивительное ощущение слитности с мировой гармонией, некий «космизм», действительно присущий поэтическому миру Рильке, Т. Сильман едва ли не в каждую строку пыталась привнести чувство гармонической успокоенности. Богатырев — конечно, не без помощи пастернаковских озарений, но, думаю, первым, так сказать, на уровне метода — угадал, что к этому ощущению гармонии с миром искусство Рильке приходит через борьбу стилистических и бытийных диссонансов, через катарсис, через чувство боли, через муку образов неистовых, страстных, порой непереносимо безобразных, даже отталкивающих, через контраст виртуозной внешней музыкальности и глубочайшего внутреннего драматизма. Он первым — опять-таки на уровне метода — сумел показать и доказать, что возвышенный, как бы надмирный стиль Рильке рождается из простейших,

а порою и простецких, вовсе не изысканных слов — все решает изысканная необычность и смелость словосочетаний и словоупотреблений. Но все это, разумеется, при условии скрупулезной, выверенной передачи музыкального строя, звукописи рильковского стиха, чрезвычайно мелодичного, насыщенного ассонансами и внутренними рифмами.

Как, должно быть, бывало ему горько, когда всех этих филигранных тонкостей его работы просто не замечали. Однажды, готовя к печати сборник Рильке в издательстве «Художественная литература», я неожиданно почувствовал себя в его шкуре, ощутил это его бессилие перед чужой глухотой к стиху, когда одна очень вальяжная издательская дама, отвлекшись от забот об идеологической чистоте издания (в ту пору как раз началась очередная кампания, на сей раз атеистическая, и дама норовила выбросить из сборника Рильке всякое стихотворение, в котором встречалось не только слова Бог или ангел, но даже слово «он» в значении самого обычного местоимения), — так вот, отвлекшись от идеологических забот, дама занялась вопросами эстетическими, надумав снять стихотворение «Остров сирен» в замечательном переводе Кости: «Хлебосолов, столь к нему любезных,/ вечером, по истеченье дня,/ он дарил рассказами о безднах,/ о морских пучинах...». Даму не устраивало слово «хлебосолов», оно, на ее вкус, отдавало «штями», а еще то ли лаптями, то ли портянками. Ничего больше — ни замечательных созвучий на «л» и на «с», ни внутренней рифмы («хлебосолов — столь»), ни напевности бесконечно-протяжной, седой вечностью отдающей цепочки «любезных — вечером — истеченье — безднах», ни изысканной конструкции «дарил рассказами» — дама не слышала и слышать не желала. Она, похоже, искренне была убеждена, что не потрафившее ей слово можно просто заменить каким-нибудь другим. (Страшно подумать, сколько правки внесла она таким вот манером в стихи и прозу на своем редакторском веку.) В напрасных спорах прошел битый час, прежде чем я догадался сказать ей, что слово «хлебосол» вполне мог употребить Жуковский, переводя «Одиссею», — дама задумалась и, слава Богу, больше к стихотворению не возвращалась.

Филологическая основательность — замечательное достоинство переводов Константина Богатырева, унаследованное, надо думать, от отца, знаменитого ученого фольклориста Петра Григорьевича Богатырева — обусловила еще один аспект его работы: сознавая, что в поэзии Рильке понятие «книга» чрезвычайно важно, что стихотворения, собранные под одним переплетом, никогда не объединялись у этого поэта по принципу случайности, он почти сразу отказался от соблазнительной для переводчика практики «снятия сливок», перевода отдельных, наиболее знаменитых стихотворений, а сосредоточил свои усилия именно на книге, остановив свой выбор на двух частях «Новых стихотворений». Решение это, безупречное с точки зрения профессиональной этики, самого Богатырева не раз ставило в ситуацию заведомого проигрыша. Дело в том, что при всей гениальности Рильке у него даже в этой, безусловно сильной поэтической книге есть тем не менее вещи проходные и необязательные. Есть и повторы, вариации одних и тех же мотивов, тематически почти ничего к миру и духовному облику поэта не добавляющие. Не говоря уж о том, что специфичность «Новых стихотворений», большая часть которых посвящена шедеврам изобразительного искусства и архитектуры, образам античной и христианской мифологии, историческим сюжетам, требовала от переводчика невероятного тпцания, кропотливых, порой многодневных разысканий, чтобы расшифровать элементарный смысл, бывало, одной какой-нибудь строки или просто названия. К счастью, у него было много друзей и добровольных помощников за границей, и они — уже упомянутые мною Генрих Бёлль и Ханс Вернер Рихтер, как и не упомянутые филологи Генри Глейд, Вольфганг Казак, Рольф Дитрих Кайль и многие, многие другие, -- слали ему книги, зная, что это, по сути, единственная и всепоглощающая Костина страсть: библиотеку он собирал с тем же азартом, с каким мальчишки коллекционируют марки. Помню, с каким восторгом он показывал мне альбом с фотографиями Шартрского собора, которому у Рильке посвящен знаменитый цикл, и изображение Полуденного ангела — угловых часов на этом соборе, которым тоже посвящено отдельное стихотворение. Другого способа увидеть и этот собор, и иные французские, итальянские, испанские, скандинавские достопримечательности, в «Новых стихотворениях» запечатленные, — Рильке, как известно, был большой охотник до перемены мест — у Кости, человека напрочь «невъездного», не было.

Такую самоотверженную, каждодневную кропотливую работу над переводом «Новых стихотворений» К. Богатырев продолжал полтора десятилетия. Положа руку на сердце, нужно сказать, что вторую часть до полного, окончательного блеска он довести не успел. Кто-то из писавших о нем метко сравнил Костин перевод «Новых стихотворений» с двухбашенным собором, вторая башня которого так и осталась в строительных лесах. Когда он приступал к этой грандиозной работе, попутчиков, коллег, собратьев по переводам Рильке у него по сути не было. Когда заканчивал, Рильке вошел в моду — опубликованы были уже три сборника его поэзии, готовился к печати четвертый, как раз «Новые стихотворения» в серии «Литературные памятники». На переводах из Рильке возросло целое поколение поэтов-переводчиков, многие были даровиты, соперничали друг с другом и с Костей, нередко пытаясь переспорить его, так сказать, «на его поле» — ничтоже сумняшея брались за лучшие из «Новых стихотворений», не задумываясь пользовались результатами его работы — ведь, повторю, прежде чем перевести, там многое надо просто понять и расслышать, — норовили (и до сих пор норовят)

встать ему на плечи. Он никогда не обижался, наоборот, каждому новому хорошему переводу искренне радовался, охотно, слишком охотно признавал превосходство иных переводов над своими, лишний раз доказывая, что меньше всего его беспокоит вопрос авторских амбиций в переводе, которые не давали и не дают покоя многим его коллегам. Богатырева никогда не волновало, как лично он выглядит в своих переводах из Рильке, гораздо важнее было для него, как в русских переводах выглядит Рильке вообще. Когда не знал, за что коллегу похвалить, говорил, что его переводы лучше оригинала. Некоторые, возомнив себя мэтрами, теперь о переводах Богатырева рассуждают снисходительно, однако до сих пор «на полном серьезе» цитируют эти его отзывы, не замечая ни их преувеличенной комплиментарности в духе восточного тоста, ни сомнительного смысла подобной похвалы. Предельно доброжелательный с коллегами, Костя не прощал только одного: недобросовестности, откровенной халтуры, циничного пренебрежения азами переводческой этики. Когда одна незаслуженно известная советская переводчица варварскими сокращениями и даже искажениями текста изуродовала роман Бёлля, Костя написал подробный разбор этой, с позволения сказать, работы, опубликовав его в западной печати и нажив себе тем самым новых врагов и в аппарате Союза писателей, и в недреманном Главлите — этом оплоте советской цензуры. Почему-то считалось, что у Кости, этой светлой бескорыстной души, не могло быть врагов. Наивное заблуждение! Врагов и завистников у него, как у всякого безусловно честного, порядочного и истинно талантливого человека, было достаточно. Иные и по сей день, через двадцать пять лет после гибели Богатырева, все никак не утомонятся.

Е. Витковский, много сделавший для изучения и собирания русских переводов Рильке, сам не раз Рильке переводивший, в предисловии к книге «Новых стихотворений», вышедшей в переводах В. Летучего в издательстве с замечательным названием «Скорпион», очевидно намериваясь новый перевод снисходительно поддержать (отметив в нем «десяток-другой» удачных работ), считает нужным по такому случаю развенчать «легенду» о Богатыреве-переводчике. Оказывается, сетует Витковский, когда в 1977 году, через год после гибели Богатырева, его перевод вышел в свет, «ореол мученика лишил нас права говорить о Богатыреве хоть сколько-нибудь критически». «Говорить о богатыревском переводе плохо было невозможно, — сокрушается Витковский, — ты немедленно попадал в одну компанию с убийцами». Образ, что и говорить, красноречивый, особенно если учесть, что теперь, по прошествии некоего срока, который Витковский считает приличествующим, ему в эту компанию попадать уже не зазорно: «Легенда о Богатыреве-переводчике испытания временем не выдержала, а легенда о Богатыреве-человеке не подлежит критике и обсуждению».

Здесь не место сравнивать переводы Богатырева и Летучего, это предмет специального филологического разговора, хотя полагаю, читатель и сам, без моей и Витковского подсказки, во многом разберется — благо что иные вещи видны, что называется, невооруженным глазом. Удивляет другое: если, как уверяет Витковский, переводы Богатырева так слабы, откуда столько неподдельной страсти в их бичевании? Нет бы просто оставить их в покое: что издано, то издано, время всех рассудит и все расставит по своим местам. Куда там... Вот и приятелю Витковского, известному скандалисту (как он сам с гордостью себя аттестует) В. Топорову в книге «Двойное дно» тоже тень Богатырева не дает покоя. Если Витковский в свое время критиковать переводы Богатырева не отваживался из боязни попасть в одну компанию с убийцами, то Топоров руководствовался куда более возвышенными мотивами: в связи с гибелью Богатырева он «не только отказался от претензий на публикацию собственных переводов из Рильке, но и перестал переводить австрийского поэта вообще». Во как. А все дело в том, что Богатырев, оказывается, «был не слишком сильным переводчиком, и победительно конкурировать с ним после смерти было бы некрасиво». Нарушить сей зарок (кстати, именно Костя Богатырев первым бы его и не одобрил, он-то всегда считал, что чем больше переводов, тем лучше) Топоров сподвигся лишь в начале 90-х годов (когда, замечу в скобках, вновь пробудился интерес к Рильке и на книжном рынке наметились перспективы новых его изданий), решив, видимо, что на все соображения «красиво-некрасиво» пора плюнуть. Впрочем, в общем контексте книги Топорова, где он кого только не облил грязью, Богатыреву, будем считать, еще повезло. В конце концов, от иного автора хула получше всякой хвалы будет: вон, дружба своего Витковского Топоров «хвалит» так, что, как говорится, не поздоровится: «Я переводил Рильке три года, он несколько месяцев. Я недурственно закончил филфак ЛГУ, он с треском вылетел с первого курса истфака МГУ. Я — если отвлекусь от дурного произношения — знал немецкий как русский. У него он был явно «приобретен на медные деньги».

Просто невозможно не заметить, что ключевое, кодовое слово во всех этих стилизованных под благородство инсинуациях — это слово «легенда». Легенда о Богатыреве, слава Богатырева — переводчика и человека — вот что и для Топорова, и для Витковского прямо как нож острый. И хотелось бы отмахнуться от всех этих своеобразных проявлений современных литературных нравов традиционным оборотом «оставляю на совести авторов», да, боюсь, приложить его в данном случае совершенно не к чему. Похоже, этим людям просто не дано уразуметь, что слава иногда, пусть в порядке исключения, приходит не к тем, кто суетится и хлопочет, у кого одни иерархии, регалии и премии в голове, а к тем, кто вкладывает свой талант в честный, бескорыстный труд и в достойно прожитую жизнь.

Всю четверть века, что его нет с нами, меня не покидала мысль, что жизнь и творчество Константина Петровича Богатырева как пример бескорыстного служения своей миссии, безусловно, достойны увековечения. Лучшей формой увековечения была бы книга — он ведь перед книгами благоговел. К счастью, одна такая книга уже издана. К несчастью и стыду нашему, она издана очень скромным тиражом, и не у нас в стране, а в Германии, в городе Мюнхене.